1.

Он позвонил и представился знакомым моего ленинградского приятеля. Ой, нет, сначала он не позвонил. Сначала случилась перестройка.

Перестройка. «Совок», хоть и тронут уже ржавью, но еще кажется, что это только снаружи. И в страшном сне никто не видел, что конец совсем близко. Или в приятном сне, неважно, главное, что не видел никто. Теперь, правда, чем дальше, тем чаще встречаются люди, которые давно все знали и предвидели, но тогда они стеснительно молчали.

И вот гласность, понимаешь, ускорение и плюрализм... Они как наберут силу, как снова зашагаем мы вперед семимильными шагами! Да что там зашагаем — побежим, с ветерком догоняя и перегоняя Америку! У нас это издавна любимый вид спорта.

А главное — новые формы хозяйствования, возможность не батрачить на неведомого дядю, как это было принято семьдесят лет, а самому зарабатывать. Зачатки свободного предпринимательства, кооперативы со своими уставами, директорами и счетами в банке. Нам сказали:

— Давайте, ребята! Вперед, все в ваших руках!

Но сначала, еще до кооперативов, появились так называемые центры научно-технического творчества молодежи (НТТМ). Скромно и как будто даже ничего общего с предпринимательством. Само слово это — «предпринимательство» — пока еще воспринималось как ругательное. От него уже и до слова «бизнес» рукой подать.

А про бизнесменов мы знаем! С детства насмотрелся я в газетах и журналах на омерзительные рожи тех, кто занимается этой гадостью. Все бизнесмены в карикатурах были, как правило, горбоносыми, плешивыми и старыми американцами. В отличие от меня, прямоносого, красиво причесанного и молодого. Ничего общего у меня с этими мерзкими бизнесменами не было, и тем неприятней они выглядели в моих глазах, эти акулы с Уолл-стрит.

Хотя... насчет носа... Он у меня весь изломан так причудливо, что прямым его только сильно подвыпивший Сальвадор Дали решится назвать. Но если смотреть на мою фотокарточку в профиль, нос мой будет вполне даже прямым. А здесь ведь главное — вид в профиль. У акул уоллстритовского бизнеса носы в профиль, в отличие от моего, напоминающего Ленинградский проспект, фрагментами московского Садового кольца смотрятся. И это еще неприятней. Хищные такие носы, злые, как у стервятников. Не то что у хороших людей — добрые, курносые, как у дельфинов.

Ладно, о носах и морально-этических качествах их носителей мы еще как-нибудь поговорим. Здесь есть что возразить глупым фантазиям писателя Ивана Ефремова.

Я, пока не подрос до политической зрелости — лет до восьми, — думал, что мастурбацией заниматься очень плохо. Так мне говорили родители. Но, ставши зрелым и сознательным октябренком, я уяснил, что бизнесмены еще хуже, и повеселел.

И вот жил я, жил, наслаждался рисунками Кукрыниксов и Бориса Ефимова, где они соревновались в кривизне носов отрицательных и в прямоте носов положительных героев. И постепенно понял, что с самого рождения я попал в королевство кривых зеркал. И прожив в этом королевстве всю свою жизнь, я не могу теперь адекватно оценивать не только прямизну носов, но и преимущества онанизма перед бизнесом.

Ну так вот: неожиданно свалились нам на голову гласность, ускорение и, не побоюсь этого слова, плюрализм.

Народу объяснили, что бизнес — это не так уж и плохо, а где-то даже хорошо. Но если только маленький, почти игрушечный бизнес. Народ не поверил. Потому что не знал никогда, что частная собственность — это не ругательство, а просто нечто такое, чего никогда не было не только у нас, но даже и у прадедушек наших.

Ведь те поместья, что у некоторых из нас когда-то имелись, и крепостные рабы (тоже мы) не были настоящей собственностью. Царь дал, царь мог и забрать, проснувшись не с той ноги.

Недавно где-то прочитал, что в Японии есть маленький отель, которым более тысячи лет владеет одна семья! Странные они все-таки люди, эти японцы! Забегая вперед, вспомню, как на исходе второго тысячелетия купил я у государства (нашего, к сожалению, не японского) небольшой подвальчик в доме хрущобного типа. Все чин чинарем: договор купли-продажи, свидетельство на собственность получил — вот она, частная собственность. Хороший такой подвальчик, только без света, трубы текут, и в образовавшихся озерцах крысиные трупы плавают. Но неважно это все — частная собственность же, можно и на ремонт потратиться. К началу третьего тысячелетия я ремонт наконец закончил — и все засияло в моем подвале! Потолки подвесные со встроенными светильниками, стеклопакеты и двери дубовые.

Тут и третье тысячелетие нагрянуло, а с ним и новый президент страны. Пришли в мой новый подвал новые чиновники, похвалили ремонт и огорошили:

— Это... Неправильно мы вам подвал продали, передумали мы.

— Как это передумали? Вот же у меня и свидетельство на собственность есть!

— Не-не, неправильно это все. У нас московские и федеральные законы в противоречие вошли.

— А я здесь при чем? Я деньги за подвал заплатил сполна?

— О, не извольте беспокоиться, мы эти деньги как арендную плату вперед будем считать. Сидите пока в своем подвале, — милостиво разрешили мне новые чиновники нового президента и удалились.

Мне не хотелось больше сидеть в моем подвале, и вообще сидеть я не хотел. Захотелось бросить все и уехать, и забыть, как страшный сон, все мои попытки заниматься бизнесом в России.

Но это все потом, а пока все очень радужно, и даже центры научно-технического творчества молодежи появились. Никакого бизнеса, только творчество. Притом научное и даже, черт побери, техническое.

2.

И вот в этом еще, казалось бы, крепком «совке» начали твориться такие вещи, что дух захватывало! Зарплата молодого инженера еще была 120 рублей, а в НТТМах заработки стали составлять четырехзначные цифры. В этом, как ни странно, ничего удивительного или криминального не было: молодые специалисты, объединившись впятером-вшестером по профессиональному признаку, напрямую заключали договоры с предприятиями и распоряжались заработанными деньгами по своему усмотрению. А раньше ту же работу выполняла какая-нибудь проектная организация со штатом в двести человек. Или научно-исследовательский институт со штатом в две тысячи.

Помню один из первых своих заработков на этой ниве — договор на проект пожарной сигнализации с одним из дворцов культуры. Мы тогда втроем за месяц тысяч шесть заработали, если не изменяет память. И поделили их поровну. А если эти деньги поделить на весь штат проектного института, пусть даже поровну? Но нас было только трое, нам не нужно было содержать партком, профком и комсомольскую организацию вкупе с дирекцией и штатом уборщиц, поэтому зарплатка у нас вышла солидной и приятно тяжелила карманы. Проект этот мы провернули на дому, в свободное от основной работы время. Это был 1988 год, и инженер в НИИ, повторюсь, все еще получал сто двадцать рублей в месяц, а буханка хлеба продолжала стоить двадцать копеек.

Потом были еще какие-то проекты, и венцом моего предпринимательства в Узбекистане стал завод по производству мраморной крошки под городом Самаркандом. Ну, завод — это громко сказано, наверное, — оборудование стояло прямо под открытым жарким узбекским небом, и одна бытовка рядом, чтобы было где рабочим переодеться-перекурить. Ну, для начала и это неплохо, главное, что завод уже выдавал продукцию.

Предприятие по выработке мраморной крошки мы построили опять втроем с двумя моими приятелями. Все основное оборудование я купил на своем родном заводе в Чирчике. Купил как металлолом, как бы

не за те же шесть тысяч рублей, какие мы заработали в начале предпринимательства. Но для этого пришлось сначала облазить на родном предприятии все свалки металлолома и заброшенные бездействующие цеха. Так что урона родному заводу я не нанес, если не считать, что прихватил оттуда еще своего приятеля инженера-механика. Все найденное, в том числе новоявленный главный инженер будущего завода, было перевезено двумя длинномерными КамАЗами на месторождение мрамора под город Самарканд. И через месяц завод действовал. Тогда чиновники еще не придумали миллионы всяких согласований, чтобы самим поучаствовать, поэтому мы быстро завод сделали. Конечно, если бы нынешних ушлых чиновников в те времена, мы бы и по сегодня завод не запустили.

К сожалению, воспользоваться плодами мраморного завода мне не довелось, ибо пока мы его строили, я все чаще уезжал в Москву и оставался там все на дольше. И в конце концов однажды оттуда не вернулся.

Вот странная в моей судьбе закономерность: время от времени я вынужден бываю бросать все, что нажито непосильным трудом, и начинать все сначала. И в первый раз это случилось, когда я навсегда покинул Узбекистан. Все, что нажито было за долгую тамошнюю жизнь, я оставил там. Только свою огромную коллекцию марок забрал с собой. Ну, автомобиль еще перегнал в Москву. Писем от друзей и подруг еще был чемодан, но их в Москву я забирать не стал — сжег их все в банной топке. Вроде и небольшой чемодан был, но как же долго они горели! Минут сорок я с ними пропыхтел.

Все остальное оставил. Особенно жаль мне огромного количества старых книг, журналов и газет, которые я всю сознательную жизнь покупал, собирал по помойкам и тырил из макулатуры, которую мои бесхитростные одноклассники, как муравьи, тащили в школьный двор. Из остального имущества почему-то ничего больше не вспоминается.

В Москве осел, казалось, навсегда, хотя она мне и не нравилась. И действительно, почти четверть века прожил там по одному адресу. А потом вдруг снялся, как перепуганная цесарка, и улетел, опять оставив все, что нажито непосильным трудом, чуть ли не в одних трусах. И даже письма в этот раз не успел сжечь. Но марки зачем-то опять забрал.

Потом еще два-три года прослонялся по Москве, вновь обрастая имуществом и жирком. Но Москва и погода ее, стремительно меняющаяся, мне нравились все меньше, и вздумалось мне опять переехать. Подальше куда-нибудь. Выбрал Черногорию.

Уезжая, не думал, что это будет навсегда. Поэтому крупное имущество — мебель, технику — оставлял родственникам и друзьям на временное пользование. А остальное все, любовно упакованное в коробки, — книги, домашнюю утварь, детские игрушки — свалил в подвале у отца на даче. Марки спрятал понадежнее — на антресолях в гараже. Я потом вернусь и разберусь. Потом.

В Черногории надолго я не задержался — меньше двух лет прожил. Успел только обставить дом, обустроиться и садик посадить. Уезжая оттуда, я уже ничего по коробкам не упаковывал, оставил все как есть. Только игрушки мы с женой в детскую кроватку покидали, чтобы они на полу не валялись.

Даже автомобиль на этот раз не забрал. Я переезжал на остров, машиной туда не доехать. Можно было, конечно, отправить ее паромом, но не стоила она таких затрат. Да и руль у черногорской машинки не с той стороны для этого острова.

В последний приезд в Москву обнаружил, что все более или менее стоящее из моих вещей, оставленных папе на хранение, он раздал. В подвале остался только хлам. И правильно сделал папа, потому что вся та мебель и техника, что я оставил на хранение друзьям и родственникам, давно уже устарели морально и физически.

И только марки, надежно упакованные на антресолях гаража, так и остались нетронутыми. Конечно, если бы я вернулся в Москву насовсем, а не на два дня, я бы их достал с антресолей и расставил бы свои альбомы красиво в книжном шкафу. Хотя они, наверное, истлели давно. Но я этого никогда не узнаю. Потому что не вернусь я сюда ни завтра, ни потом. Хотя бы потому не вернусь, чтобы не узнать, что марочки мои истлели.

Последние тринадцать лет я на Кипре. Барахла неизвестным образом опять накопилось столько, что и в гараже не помещается, — даже сад пришлось захламить. И если вдруг опять куда-то переезжать, то все это опять бросить придется. Ладно барахло, а курочки, а уточки, а деревья? Нет, надо найти здесь свой покой.

3.

Барахолка в маленьком узбекском городе открывалась ранним утром по субботам в пойме давно высохшей реки, о которой и старожилы уже позабыли. Все, кому есть что предложить не особо придирчивому советскому покупателю, уже в полшестого утра красиво раскладывали свои богатства в придорожной пыли вокруг своих худых и натруженных или толстых больных, но тоже натруженных ног. Чего здесь только не было!

И одежда всякая, потерявшая всякий лоск и смысл, если она не военная. Последняя оставалась выглядеть

горделиво, даже с не выжженными солнцем участками от ремней, портупей и дырочками от наград и знаков отличий.

Нет, ругать за бедность нашу барахолку не надо. У нас там всякая и цивильная одежда была, и не просто пиджаки и юбки. Пиджаки ценились за количество карманов в них, а юбки — за количество оборок. И даже трусы, лифчики и носки ношеные тоже продавались. Но последнюю мелочовку продавец обычно в одну кучу сваливал, и жаждущие могли в ней копаться, сколько им вздумается, удовлетворяя свои эстетические и прочие потребности.

Были другие специалисты, которые предлагали покупателю только что-нибудь железное. Ржавые болтики, замочки, задвижечки и шпингалетики составляли их основное предложение. Среди железок попадались и не ржавые, а светящиеся благородным блеском даже через патину времени какие-нибудь бронзовые задвижки или даже подсвечники, бесстыдно напоминающие, что до нашего времени было и другое какое-то время.

Почему-то ни продавцам, ни покупателям не казалась странной и или даже ужасной разница между современными задвижками и старинными. Хотя если бы догадались сравнить нынешнюю с той, что продолжает светиться сквозь патину времени, то повесились бы сразу, купив предварительно здесь же не до конца сгнившую веревку.

Другие специализировались на полиграфической продукции, или на грампластинках, или на своих физических увечьях и недостатках.

Моя бабушка ни на чем не специализировалась. Она продавала все. Все, что ей домой приносили на продажу жители Химпоселка. Поэтому ее два квадратных метра на барахолке я по справедливости должен назвать универмагом. Или даже правильнее, универсамом — она ведь и продукты продавала. Семечки, пастилу фруктовую собственного изготовления.

А вот сосед бабушкин по барахолке дядя Коля — тот специалист был. Он торговал исключительно радиодеталями. Они хоть и мелкие, но их же легион, радиодеталей, если кто понимает. И все два квадратных метра перед продавцом были как поле с задумавшимися тараканами. Не могу сказать, что у радиолюбителя торговля бойчее шла, чем у моей склонной к супермаркетному бизнесу бабушке.

Но вот однажды в субботу, не с утра, а уже ближе к закрытию барахолки подскакивает к бабусиному соседу очень возбужденный гражданин. И умоляет о спасении. Ему срочно нужна некая радиодеталь, притом в большом количестве.

Оказывается, ему нужен резистор, маленький такой, зелененький, на 20 ом, причем постоянный. Переменные резисторы, конечно, подороже будут, но ему нужен именно постоянный, которому цена две копейки и которым завалены все радиомагазины.

Кстати, отвлекаясь от повествования, хочу про переменные резисторы сказать два слова. Чтобы не подумал недоверчивый читатель, что выдумываю я все, в том числе и слово «резистор». Так вот, переменный резистор — это крутилка на радиоприемнике, например, чтобы громкость регулировать. Ну, это я для тех читателей говорю, которые помнят еще, что раньше была крутилка. Нет? Не помнит уже никто?

Ну и ладно! Пусть резистор останется моим изобретением!

Так вот, незнакомцу нужен был именно постоянный резистор, маленький, зелененький, с двумя проводками по концам. Ему цена, напоминаю, две копейки, и им завален весь радиоотдел нашего магазина.

А тем временем любитель резисторов на барахолке аж трясется весь. Оказывается, он специально из Ленинграда приехал. Там у них очень большой институт, и работают они над очень серьезным проектом, и очень срочно им кое-чего не хватает. А именно резисторов на 20 ом. Их надо, оказывается, ни много ни мало — двести семнадцать тысяч штук. Ну, конечно, весь Совет Министров Советского Союза напрягли. Министерство радиоэлектроники без выходных работало, но смогло пообещать, что в такие ограниченные сроки они смогут только сто пятьдесят тысяч сделать. Выручило Министерство торговли. Оказывается, выпущено уже достаточно много этих резисторов, и они пылятся в торговых сетях нашей необъятной родины. Особенно в среднеазиатских республиках они плохо расходятся — радиолюбителей мало.

И вот ленинградский институт снарядил нескольких своих сотрудников добрать недостающее.

Сосед моей бабуси по барахолке дядя Коля так растрогался и так преисполнился патриотическими чувствами, что тут же согласился продать ленинградцу все, что у него есть, по пятьдесят копеек за штуку. Вообще-то в магазине эта радиодеталь стоит раз в пять дешевле, но дядя Коля преисполнился важной государственной задачей и побоялся продешевить. Ленинградский покупатель зашикал на него — негоже подробности сделки так громко озвучивать. Можно, оказывается, по семьдесят в документах записать, а с лишними двадцатью копейками они как-то разберутся.

У продавца, к сожалению, с собой оказалось только четырнадцать штук искомых деталей, но он пообещал, что дома еще штук тридцать есть. Поехали домой, и там действительно еще нашлось. Ленинградский покупатель рассчитался сполна полноценным рублем и даже выписал квитанцию за 44 единицы по 70 копеек за штуку. Сверхприбыльные деньги тут же поделили, но ленинградец расстроенным остался — такими тем-

пами наш проект не скоро закончится, и американцы обгонят нас в космосе, империалисты проклятые!

Покупатель очень добросовестным работником оказался и тем же вечером выехал на поезде в соседнюю среднеазиатскую республику, пообещав, что вернется через неделю, ровно к следующей барахолке, чтобы выкупить все, что успеет найти его новый друг.

Владелец радиоотдела узбекской барахолки назавтра побежал в родной универмаг, чтобы все перепроверить, и да, оказывается, позавчера приходил некто странный и выкупил все резисторы по 20 ом.

В очередную субботу дядя Коля, объездивший за неделю все близлежащие кишлаки и выдравший из всей домашней радиоаппаратуры все кишки, сидел на барахолке праздничный и где-то даже торжественный.

Да, он не сумел собрать искомое количество, да и где уж — весь Советский Союз надрывается. Дядя Коля взял больничный на работе и за эти дни умудрился объехать всю республику в поисках нового золота. И преуспел в этом — 2600 резисторов у него лежало в неприметной сумке.

До базарного дня оставалось время, и дядю Колю обуревало беспокойство — а ну как ленинградский ученый больше не приедет? Но профессор приехал, никуда не делся. Узнав, что дядя Коля так много резисторов сумел выискать, ленинградец похвалил его за хорошую работу.

Пока профессор радовался, к нему вдруг подошли два очень скромных и уважительных узбека и говорят:

— Володя-ака! Куда же вы пропали? Мы для вас плов сделали, не побрезгуйте! Можно мы вас на полчасика отвлечем от важных дел?

Володя-ака забеспокоился было, но, увидев, что дядя Коля-барахольщик одобрительно улыбается, тоже разулыбался. И даже портфель свой с важными бумагами дяде Коле оставил на сохранение.

Едва Владимир-ака скрылся из вида — дядя Коля еще продолжал улыбаться, — как к нему подскочил какой-то другой псих, и тоже русский, с необычной пенопластовой коробкой в руках. Возбужденный незнакомец спросил ленинградского Владимира, и дядя Коля доброжелательно объяснил ему, что Владимир отошел, но через часок вернется. Психованный остался ждать, но очень нервничал и все время поглядывал на часы.

Володя задерживался, незнакомец все чаще беспокоил свои часы. Наконец он не выдержал и бросил свою пенопластовую коробку на землю. Оказывается, он на самолет опаздывает, а там, куда он летит, жена рожает первенца.

Попричитав, он снова схватил свою коробку и быстрым шагом пошел к выходу с рынка. Неожиданно он остановился, вернулся и раскрыл коробку, зеленеющую из нутра резисторами зеленого цвета.

— Здесь 5800 штук! Мне Владимир обещал по 70 копеек за штуку. Я вам отдам по 35 копеек.

Коля, конечно, у всех своих соседей денег назанимал, но сумел набрать только полторы тысячи рублей. Эти полторы тысячи рублей дядя Коля и предложил владельцу пенопластовой коробки — все, что есть. Готовящий стать отцом психопат еще подергался немножко и согласился. И, получивши деньги, тут же побежал на самолет.

Больше дядя Коля никогда его не видел, как не видел больше и Володю-ака или вообще кого-нибудь из ленинградцев.

Надо заметить, что Володя-ака из Ленинграда не был большим оригиналом — такая схема мошенничества описана многажды, поэтому оставим о нем рассказ и вернемся к предыдущему.

4.

Однако на мысли о том, что я все чаще и чаще стал уезжать в Москву и в конце концов остался там, меня понесло не в ту степь. Здесь надо объяснить, с чего же это я, если за предыдущие десять лет, включая учебу в институте, Москву так и не полюбил, стал туда наезжать все чаще и чаще. Сидел бы себе под Самаркандом на мраморном заводе да барыши подсчитывал. Но нет, появились новые задачи.

Начиналась в Советском Союзе эра персональных компьютеров, и начиналась она, конечно, в Москве. На Западе эта эра началась двумя десятилетиями раньше.

Плодотворная дебютная идея заняться компьютерами принадлежала моему троюродному брату, отцу-основателю нашего кооператива. Это все он. Это он, превосходящий по своей талантливости, нудности и упертости всякие разумные пределы, заставил меня уволиться с химического предприятия и отправиться в свободное плавание.

Нет, здесь, пожалуй, надо вернуться сильно назад, еще до мраморного завода под Самаркандом и даже до пожарной сигнализации во дворцах культуры.

Это почему же меня все время так штормит, что я никак не могу последовательно события излагать? Наверное, потому, что урок в школе, когда объясняли, что к сочинению прежде план надо писать, я пропустил. Ну и общее мое разгильдяйство нельзя со счетов сбрасывать. А также крепчающий возрастной и усугубленный нехорошими привычками маразм не станем скрывать.

Вернемся во времена, когда я ни на какие авантюры нового времени и нового мы́шления не поддавался,

а работал себе тихо-мирно на крупном химическом предприятии. И не собирался оттуда увольняться ни за какие коврижки. И тому была веская причина — я был записан в очередь на швейную машину, хотя непонятно, зачем она мне. Но если, чтобы ее купить, надо несколько лет в очереди стоять, должно быть, вещь хорошая и нужная.

Когда я пришел в цех после окончания института, ко мне чуть ли не сразу подскочила симпатичная такая, в рыжих завитушках председатель цехкома, взяла меня под руку и говорит, чтобы я, не откладывая, сейчас же в очередь записался на швейную машинку «Подольск».

Я попытался возразить, что шью редко — все больше крестиком вышиваю.

Ее красивые голубые глаза вдруг похолодели, как айсберги, а красивые крылья носа пришли в трепет, как крылья бабочки-капустницы в весенний момент самого сексуального восторга. И я услышал гневные слова:

— Ты что, сумасшедший?!

Я опешил и на всякий случай, чтобы избежать скандала — может, здесь у них так принято, нормальных не держат — согласился, что да, есть немного. Но в самую меру, только чтобы мастером в их цехе работать.

Она потушила гнев и дарила меня своей улыбкой, пока я подписывался в очередь на швейную машинку «Подольск», и поводила по строчкам сладкими пальчиками незамужней ручки.

Потом она отвела меня в сторонку и, горячо дыша мне в ухо, сказала, что уже через два месяца меня в очередь на холодильник запишет вместо того, чтобы полгода ждать.

На холодильник я так и не записался, а швейную машинку «Подольск» купил бы, если бы через три года не уволился.

Так вот, мой троюродный брат сам жил в Ташкенте, но с завидной методичностью по несколько раз в неделю приезжал в Чирчик, чтобы свернуть меня с пути, как мне тогда казалось, истинного. В первый приезд он спросил меня своим бесцветным скрипучим фальцетом о моей зарплате на заводе. Я гордо ответил, что с разными премиями и добавками за вредность получаю 450–550 рублей в месяц, и посчитал вопрос исчерпанным, потому что в то время зарплата в 150 рублей считалась очень даже неплохой. Но кузена эта сумма не смутила, и он без всякой интонации и нажима заявил, что в НТТМ я буду зарабатывать 2000 рублей в месяц. Минимум.

Поверить в такие астрономические суммы было невозможно, и я, советский до мозга костей человек, возражал, что все это еще бабушка надвое сказала, а здесь, на государственной службе, я уверен в завтрашнем дне.

Да, в этом и было главное преимущество социализма перед капитализмом — уверенность в завтрашнем дне. Там, в социализме, я мог быть уверен, что завтра, как и вчера, и позавчера, и послезавтра, я встану в полседьмого и пойду себе на родной завод, весело насвистывая или грустно прихрамывая, в зависимости от стажа работы.

Вот хоть что бы ни случилось, а я встану и пойду. И там, на заводе — я знал это твердо, — в двенадцать часов дня меня бесплатным обедом накормят. Очень вкусным обедом. Во всяком случае, тогда он был очень вкусным, я был уверен. И много, главное — супа полная тарелка, второе вообще чуть ли не из мяса, и чуть ли не сметаны полстакана в придачу. И еще компот, компот обязательно!

И на что я все это должен был променять?

Сегодня-то у меня нет никакой уверенности, что завтра будет компот. Даже наоборот, есть уверенность, что компота завтра не будет. Потому что не пью я компота давно. И что обидно — не тянет совсем.

Возвращаясь к обеду заводскому — а хлеба вообще сколько хочешь! И все это бесплатно, напомню! Нам на месяц давали бумажную простынку талонов, ими мы и расплачивались за великолепный обед.

Мало того, нам по талонам еще в качестве компенсации за вредность (не нашу — химзавода) целых пол-литра бесплатного молока полагалось, целых пол-литра! Это уже ближе к концу рабочего дня, как бы на полдник. Многие, правда, предпочитали на молочные талоны в буфете сигареты брать, и в этом я вижу еще одно проявление торжества демократии и преимущества социализма над капитализмом.

Все это я пытался доходчиво объяснить своему назойливому кузену, который сам ни дня в своей жизни на заводе не работал, а теперь еще во что бы то ни стало решил меня вырвать из цепких лап здорового мировоззрения и коллектива. На мой последний довод кузен заметил, что в новой жизни я буду иметь вместо бесплатных сигарет «Прима» елецкой фабрики, цена которым четырнадцать копеек за пачку, платные американские «Мальборо» по рубль пятьдесят, и мне они не покажутся дорогими.

Хорошо, не сдавался я, а здесь, если однажды я не встану вдруг и не пойду на любимый завод, то самая бесплатная в мире медицина меня быстро на ноги поставит. А на работе тем временем у меня будет копиться каждый день по пол-литра молока.

Но если при всем этом однажды я таки все равно не встану и не пойду на любимый завод, меня забесплатно свезут на городское кладбище, будет бесплатно играть духовой оркестр, и над свежевырытой могилой будут бесплатно говорить про меня проникновенные речи представители завкома, профкома и комсомольской организации. А на могилку мою потом поставят

обелиск и оградку, и не просто железные, как всем, а из дорогущей высоколегированной нержавеющей стали работы высококвалифицированных заводских сварщиков.

— А ты, ты что мне предлагаешь? Будет у вас в Ташкенте для меня оградка из высоколегированной стали? Не говоря уже про проникновенные речи завкома?

— А это главное, что тебе надо?

— Ладно, даже если я не умру и даже не заболею, завод меня два раза в год в свой собственный профилакторий устраивает. Без отрыва от производства, недалеко от проходной, чтобы близко к работе. Там я живу в теплой палате целый месяц, ем три раза в день и оздоравливаюсь душами Шарко и кислородными коктейлями. И все это совершенно бесплатно!

Дима мой — кузена Димой зовут — машет на меня рукой, как на безнадежно больного, и уезжает восвояси, чтобы через пару дней вернуться и снова меня смущать. А я уже новые аргументы приготовил:

— Летом я могу на нашу заводскую базу отдыха поехать, хоть на выходные, хоть на весь отпуск, и всю дорогу жрать там бесплатный заводской спирт самой высокой очистки!

Дима сам не пьющий и не курящий, поэтому цедит сквозь зубы презрительно, что на новой работе я смогу не спирта сколько мне влезет пить, а коньяка французского, и не на псевдоречке Акташке, а в благородных кабаках.

Забегая вперед, должен заметить, что Дима как в воду глядел — довелось мне впоследствии напитки дорогие в интерьерах изысканных употреблять. Но что интересно — спирт на Акташке был много слаще, много...

Я еще не успел Диме донести, что на пенсию я выйду в пятьдесят лет. Потому что за вредность (не нашу — химическую) нас на десять лет раньше других на пенсию отпускали. Не все, правда, далеко не все доживали и до этого льготного срока. А те, что доживали, долго на пенсии не задерживались — год, два, но это детали... Про это я вовремя остановился и не стал Диме рассказывать, а вместо этого вдруг вспомнил, что у меня очередь на покупку швейной машинки «Подольск» подходит.

На это Дима слово в слово повторил вопрос, заданный мне когда-то рыжей председательницей цехкома. На что я ответил, что да, да, я такой! И не чуть-чуть, а на всю голову!

Здесь он впервые со мной согласился и резонно заметил:

— Ну, не понравится тебе на вольных хлебах, в свое родное стойло путь тебе всегда будет открыт.

Мне это почему-то в голову не приходило.

— Ну, хорошо, — наконец сдался я, — но теперь объясни, зачем именно я тебе так нужен, что ты, не жалея времени и сил, столько раз ко мне приезжал и печень мне выедал?

Дима засмеялся:

— Хороший вопрос! А ответ прост: ты умеешь разговаривать с людьми. Это, пожалуй, твой главный талант.

5.

И вот теперь в Москве этот мой мнимый или реальный талант был просто необходим. Надо было протоптать дорожку к сердцу директора магазина «Электроника», что на Ленинском проспекте, и здесь таланта могло не хватить — гений нужен. Там продавался один из первых советских персональных компьютеров с красивым и неизбитым названием БК-0010. Точнее, на витрине он был, но купить его было нельзя. Существовала какая-то сложная система записей-отмечаний на это чудо советской вычислительной техники, полгода надо было ждать. Причем, купивши компьютер один раз, ты лишался возможности купить еще один, хотя бы снова через полгода. Паспортные данные счастливого обладателя БК-0010 вносились в магазинную базу данных.

Это при том, что стоила эта штучка совсем нешуточных денег — 650 рублей! За такие деньги хороший мотоцикл можно было купить, а этот БК был размером с нынешнюю клавиатуру, только попухлее и покорявее. Собственно, он почти что только клавиатурой и был. Чтобы пользоваться им, нужен был еще телевизор и кассетный магнитофон.

— А зачем же магнитофон? — удивится нынешний продвинутый компьютерщик.

А те, что помоложе, спросят:

— А что такое магнитофон?

Ну, что такое магнитофон, я объяснять не стану, тем более что и сам уже забыл, а вот каким он боком к компьютеру тогда был, скажу. Он выполнял функцию накопителя информации. То есть все программы были записаны на кассете, которая входила в комплект. Программ было немного, в основном игры: стрелялки какие-то, поедалки типа «Диггера», но, главное, конечно, «Тетрис». Это была умопомрачительная игра, на много лет сведшая с ума все прогрессивное, и не только, человечество. Кстати, этот «Тетрис» был чисто нашим, советским, ноу-хау. Потом, конечно, появилась уйма разных вариантов этой игры, в том числе и на Западе, но первый был советским. Возможно, потому что наши сразу поняли, что главное предназначение компьютера — это игры. И «Тетрис» очень помогал советскому человеку на работе скрашивать томительные годы ожидания, когда же, наконец, появится «Пасьянс».

Так вот ждать полгода, чтобы купить одну корявую, об углы которой можно было одежду порвать, клавиатуру, я не мог. Тем более что не одна такая мне нужна была, а много. Потому что наш кооператив нацелился на этот бизнес. А именно: покупаем в Москве компьютеры и продаем их в Ташкенте разным организациям, докупив в комплект телевизор и магнитофон.

Ходил я, ходил по магазину «Электроника» и вокруг него, да и нашел какие-то ходы-выходы. Ну, не по шестьсот пятьдесят рублей, а за тысячу получалось, но все равно хорошо, ведь комплект мы продавали уже за десять тысяч рублей.

Но не просто перепродавали, а с обучением и технической поддержкой в течение года. А техническая поддержка ой как нужна была. Очень капризные и нежные это были изделия, и постоянно у них что-то ломалось или просто не хотело работать. Наши специалисты неделями не выходили от покупателя, потому что не успевали они дойти до дверей, как снова что-то ломалось.

Поэтому мы быстро остыли к этим компьютерам и перешли на более продвинутые.

Новые назывались еще красивее — ДВК, что расшифровывалось так — Диалоговый вычислительный комплекс. Но остановились мы на этих комплексах не из-за красоты названия, а из-за их технического совершенства. К ним уже ни телевизора покупать не надо было, ни магнитофона. У них был свой громоздкий, но с малюсеньким экраном монитор и жесткий накопитель информации объемом аж в 5 мегабайт! Это, поясню, пять миллионов байт, что всего лишь в 12 800 раз меньше, чем помещается на крошечную, чуть больше булавочной головки, карточку, что теперь стоит в мобильниках моих малолетних дочерей.

Вначале я покупал эти ДВК все через ту же «Электронику», хотя ДВК делали совсем рядом с Москвой, в Зеленограде, на заводе, который, по забавному совпадению, назывался так же, как и наш кооператив, — «Квант». Новые компьютеры упаковывались в огромные деревянные ящики, поэтому привозили их ко мне домой на грузовике. Я тут же, даже не распаковывая ящики, звонил специалистам с «Кванта», с которыми уже успел познакомиться, и вызывал их к себе. Потом несколько дней специалисты с завода «Квант» прямо у меня на дому пытались запустить свои замечательные компьютеры, и иногда им это удавалось, чему они сами удивлялись и радовались, как дети. Тогда я эти удачные экземпляры укладывал обратно в ящики и самолетом вез их в Ташкент. В аэропорту тоже пришлось подружиться с людьми, чтобы они принимали в багаж мои контейнеры.

Меня могут спросить: а какой дурак вообще покупал ваши компьютеры, если никто никогда о них не слышал, о существовании «Тетриса» не подозревал и стало быть, никакой практической пользы в этих компьютерах не видел? Директора какой организации можно на это уговорить?

Оказывается, можно. Можно уговорить директора той организации, где работают наши друзья или знакомые. И если этим друзьям удается убедить своего начальника, что XX век на исходе и без компьютера им теперь никак нельзя, то этот друг включается в группу разработчиков проекта с соответствующим материальным вознаграждением. А заодно и директор предприятия.

6.

К этому времени многие мои друзья поразъехались из Узбекистана кто куда, что сыграло добрую службу в расширении географии наших продаж.

Мой самый давний друг Валера, например, с которым мы когда-то сутками в шахматы играли, обосновался под Ригой. Он там на каком-то автопредприятии сумел убедить директора, что им крайне необходим вычислительный центр, а Валера, на их счастье, как раз программист.

Я несколько раз ездил к Валере в Ригу, мы обсуждали проект с их директором, и вот наконец я еду с оборудованием. Багажа много, ящиков двадцать. К счастью, это уже не ДВК, а гораздо более современные УКНЦ (тоже красивое название!), и ящики значительно меньше. Но одному мне все равно не справиться, и со мной едет мой московский друг Леня. Он когда-то был начальником в охране, где я студентом подрабатывал, а в тот момент журналистом стал и никакого отношения к нашему бизнесу не имел. Но как другу не помочь!

Ну вот, затащили мы с Леней в плацкартный вагон наши многочисленные ящики, заставили ими все третьи полки вагона и сели на свои места, отдуваясь и утирая пот. Проводница вначале роптать было вздумала, но я с ней договорился.

Кроме вычислительной техники, наш багаж включал еще десять литровых бутылок водки.

— А это зачем? — воскликнет недоуменный читатель.

А затем, что в то время в СССР все еще продолжалась ожесточенная, из последних сил борьба с пьянством и водка была в большом дефиците. Валера как раз звонил из Риги за пару дней до поездки и очень просил привезти хоть немножко водки. Хоть немножко, очень просил! Там у них с этим вопросом было почему-то особенно трудно. Рижский бальзам есть, но его много не выпьешь.

— Хорошо, но для чего надо было брать именно литровые бутылки?

А это для того, чтобы Валериной жене не показалось, что водки слишком много.

И вот сидим мы с Леней, пыхтим, отдуваемся, от погрузки отдыхаем. Вагонная обстановка ему воспоминания навевает. Он рассказывает, как они с друзьями-художниками каждый год на день рождения Пушкина в Ленинград ездят. Каждый год ездят, ни один не пропустили. Вот так же поездом. Вообще друзья у нас общие, но сам я как-то ни разу с ними не собрался. А они каждый год. Ни разу не пропустили.

И ни разу не доехали, потому что всякий раз их аккурат на полпути с поезда ссаживают, в Бологом. А я и не сомневался в способностях своих друзей. Потому что художники — они такие люди... Как бы это сказать... творческие очень. Я уже рассказывал как-то, как они всем кагалом ко мне из Москвы в Чирчик на день рождения пожаловали. Но тогда они благополучно добрались до места назначения, потому что летели самолетом, а с самолета на полпути не ссаживают, как правило.

Посмеялись мы Лениному воспоминанию, а поезд все не трогается и не трогается. Обсудили детали предстоящего путешествия. Я рассказал, что Валера обещал нас по грибы сводить. «Интересно, там грибы как у нас или другие?» — подумалось мне. А вслух сказал:

— Интересно, водку мы хорошую взяли или так себе?

— Ты это к чему? — с подозрением воззрился на меня Леня. — Не забывай, у нас груз! И это... бутылки литровые только!

Да, это резонно. Литр на двоих — перебор, пожалуй, когда мы в командировке. Беды бы не было. Он вообще очень разумный и здравомыслящий Леня мой, что нас с ним и разнит. Помолчали. Поезд тоже молча стоял у перрона Рижского вокзала, чего-то ожидая.

Зато я находчивый!

— Так у нас же бутылки с закручивающейся крышечкой! Открутим, снимем пробу и закрутим опять.

— Ага... Закрутим мы... Знаю я, как мы закручиваем, — загрустил здравомыслящий Леня, но тут поезд тронулся, бутыли под сиденьем дрогнули, мягко и зазывно звякнули, а с ними дрогнуло и сердце Лени:

— А впрочем, кто нам помешает закрутить? Откручивай!

Нас не ссадили в Бологом. Потому что на маршруте Москва — Рига такой станции нет. Нас ссадили в Великих Луках, что аккурат тоже на полпути по нашей трассе.

Леня кричал, что его нельзя ссаживать, потому, что он — ПРЕССА. И для убедительности махал удостоверением сотрудника газеты «За кадры московского автомобилизма». Милиционеры и проводники, которые выпроваживали нас из поезда глухой ночью на незнакомой станции, с ним не спорили, но аккуратно и проворно выносили наши пожитки и элементы будущего вычислительного центра, чтобы не слишком задерживать поезд. И оставшиеся литровки наши в количестве семи с половиной штук бережно вынесли и прямо в руки нам.

Вокруг ночь, мороз, пурга, но местные милиционеры не оставили нас на перроне, помогли переместиться в здание вокзала. Уважали раньше прессу.

И наши друзья-художники здесь, оказывается, ни при чем. Не такие уж они и творческие. Просто дорога из Москвы хоть в Ленинград, хоть в Ригу такая длинная, что за раз ее никак не осилить.

7.

Ранним утром, обнимаемый добрым, проснувшимся в хорошем настроении солнышком и обдуваемый ласковым ветерком, по берегу черноморского пляжа прогуливался заслуженный шахтер средних лет, присланный на курорт за доблестный труд из далеких северных краев огромной страны. Он только вчера приехал, и кожа его была еще неестественно белой для здешних мест.

Навстречу ему такой же прогулочной походкой двигался тоже очень белокожий безобразно худой и вообще весь какой-то несуразный в шортах на четыре размера больше чем надо человечек. В руке у него болталась авоська с бутылкой кефира и нарезным батоном за тринадцать копеек.

Когда они поравнялись, кефиропоклонник дружелюбно поздоровался. Заслуженный шахтер снисходительно кивнул несуразному и собрался было продолжить путь, как вдруг незнакомец продолжил разговор:

— А вы видели, вон там на берег дельфина выбросило?

Шахтер не видел, и обладатель огромных шорт вызвался быть экскурсоводом. Дорогой он рассказал шахтеру, что служит бухгалтером в каком-то ленинградском тресте и вот профсоюз ему дал путевку за треть цены, потому что он два последних года в отпуск зимой ходил. Он только вчера приехал и никого здесь не знает и очень рад сегодняшнему знакомству.

Шахтер тоскливо думал, что неплохо было бы сейчас водовки выпить по маленькой, но, косясь на авоську своего спутника, не очень надеялся на понимание. Они все шли и шли, а дельфина, выброшенного на берег, все не было и не было. Но незнакомец неожиданно оказался очень приятным собеседником, и надежда выпить с ним возрастала, заглушая желание увидеть какого-то дохлого дельфина.

Наконец экскурсовод остановился обескураженный:

— Вот здесь он лежал! Час назад я его видел. Наверное, уже увезли...

Он был очень расстроен, что напрасно потревожил уважаемого и, наверное, очень занятого человека и не знал, чем загладить свою вину.

И тут шахтер повеселел и быстро нашел, как сможет загладить вину его новый друг:

— А не выпить ли нам водовки по маленькой? Я угощаю!

Обладатель кефира и батона за тринадцать копеек слегка поморщился:

— Да язва у меня... Впрочем, если немножко, почему бы и нет. Просто за знакомство с приятным человеком.

Шахтер несказанно обрадовался, мечтая, что обрел друга на весь отпуск. При язве водовка — первое лекарство! Друзья весело зашагали от берега. Шахтер шагал особенно быстро, что выдавало в нем человека несколько более пристрастного к алкоголю, чем рекомендуют врачи, язвенник за ним еле поспевал.

Взяли беленькой, колбаски двести граммов попросили продавщицу нарезать и еще по плавленому сырку прихватили для разнообразия праздничного стола.

Выпили по одной, но разговор не клеился, словоохотливый бухгалтер вдруг поскучнел. Сам шахтер был не бог весть какой говорун, и возникла томительная пауза, которую заслуженный пролетарий собрался было нарушить сообщением, что между первой и второй перерывчик небольшой. Но тут бухгалтер предложил в картишки перекинуться. Картишки, как рояль в кустах, оказались тут же, в кармане у бухгалтера.

Предложение шахтеру понравилось, но он все же довел до своего друга народную мудрость про перерывчик. Его новый друг с удовольствием согласился, забыв про свою язву. Выпили по второй и раскинули карты.

Сыграли пару раз в дурака, шахтер оказался на высоте. Этот несуразный бухгалтер был и в картах полный лох. Он даже держал свои карты как-то неумело, все время ронял их, все более расстраиваясь от своего невезения, но играл азартно. И так разазартился вдруг, что предложил от дурака к более серьезным играм перейти и на деньги сыграть. Так, чисто символически, по десять копеек, для интересу. Шахтер снисходительно согласился, заранее жалея неудачливого соперника.

Начали играть. Шахтеру опять везло, а бухгалтер всякий раз хлопал себя по голове, проклиная ее за бестолковость. При этом он совсем потерял рассудок — видимо, водка с непривычки на него так подействовала — и все время повышал ставки. Шахтеру было жалко своего нового друга, и он уже подумывал вернуть в конце игры половину выигранных денег пострадавшему.

Они все играли и играли, и шахтер чаще выигрывал, чем проигрывал, но в какой-то момент вдруг обнаружил, что денег у него больше нет! Ни рубля из огромных шахтерских отпускных за два отпуска — он же на два месяца приехал отдыхать.

Водки еще оставалось немножко, но его новый друг поскучнел и вспомнил вдруг, что ему пришло время кефиром запить таблетки, и моментально откланялся.

Ошарашенный шахтер все еще пытался прийти в себя, когда мнимый язвенник садился в такси за углом, чтобы переехать на другой курорт.

А проигравший так и не понял, бедняга, что его новый друг не отдыхать сюда приехал, а работать.

8.

Работать с отечественной вычислительной техникой было интересно, конечно, но крайне хлопотно, если учитывать, что с ней постоянно что-то случалось. Все время там, напомню, что-то надо было налаживать и переналаживать. Да и не такая прибыльная эта работа оказалась, если посчитать затраты на гарантийное обслуживание. А еще и тяжелая, как показывает пример с рижским проектом. Но сравнительно не опасная. Вот, пожалуй, все характеристики этой деятельности: хлопотная, малоприбыльная, тяжелая, но и малоопасная.

Конечно, хорошо бы переключиться на другую технику, но иностранных компьютеров к нам не возили — на эту продукцию действовало эмбарго. И все-таки эра советских персональных компьютеров закончилась очень быстро. В общем-то, даже не успев начаться. Потому что через границу контрабандой начали просачиваться компьютеры с Запада. Их стали возить частные лица из числа тех, что были когда-то нашими соотечественниками. Давно когда-то, потому что и акцент иностранный они уже приобрели. Меня познакомили с одним из таких, по фамилии Амедюри. Он согласился привезти мне компьютер. Не помню уже, Amstrad это был или Atari, но цена на него была какая-то несусветная — пятнадцать тысяч рублей, что немногим меньше, чем стоили тогда три автомобиля «Жигули». Причем это был очень простенький компьютер, не сравнить с тем, что сейчас в копеечном мобильном телефоне.

И как-то неожиданно быстро Амедюри этот компьютер привез. Приехал он чуть ли не на один день, и ему срочно деньги вынь да положь! А у меня, как назло, денег в тот момент нет. Не то чтобы всей суммы,

а совсем нет. Кинулся я к друзьям-художникам — они меня на смех подняли. Откуда у них такие деньжищи? И все-таки собрали с миру по нитке: один уговорил свою мать снять тысячу рублей со срочного счета в сберкассе, другой у тетки своей выпросил то, что она себе на похороны приберегала, третий у соседа взаймы взял пятьсот рублей... Этого все равно было мало, и бóльшую часть суммы мне тесть дал. Снял со всех своих сберкнижек все, что накопил за много лет, и отдал.

Я ему их так и не вернул — он сам отказался и при этом был очень рад, что успел так удачно распорядиться своими многолетними сбережениями. Другим повезло меньше — буквально через несколько месяцев их сбережения превратились в ничто.

Купленный за 15 000 компьютер был отправлен в Ташкент и сразу же продан там за 40 000. И безо всякого обслуживания — этому оборудованию обслуживание не требовалось.

И пошло-поехало, все более разрастающимися ручьями в страну хлынули зарубежные персональные компьютеры. А на отечественных «Электрониках», ДВК и УКНЦ была поставлена жирная точка.

В стране сложилась целая каста компьютерных бизнесменов, на которую тут же был открыт охотничий сезон. Их били как мух — уж очень там барыши были серьезные. Это тебе не тряпки из Турции баулами тягать: договорился о сделке, назначил встречу и хлопнул продвинутого бизнесмена. Навар сразу тысяч 40–50.

* * *

И тут он мне позвонил. Позвонил и представился знакомым моего ленинградского приятеля. Что это за приятель был, помню уже плохо, и даже как познакомился с ним, вылетело из хорошо проветриваемой головы. Наверное, через французов, компьютерных коробейников. Помню лишь, что сходился с ним настороженно. Уж очень он похож был на авторитетного человека. Точнее, на человека в «авторитете». Было это году в 1989-м или 1990-м, и тогда такие «авторитетные» люди, как раз вовремя освободившись после очередной отсидки, начинали новую жизнь в новых условиях.

Десятью годами позже многие из этих вовремя тогда «откинувшихся» составляли половину властных и бизнес-элит. Те, кто дожил, конечно. Справедливости ради надо сказать, что таких осталось немного. Но на Кремль, Госдуму и госкорпорации почти хватило. Недостаток заполнили бывшие партийные и комсомольские функционеры.

Но тот мой ленинградский приятель при всей своей «авторитетности», в отличие от нынешних кремлевцев и думцев, производил впечатление интеллигентного человека, и это сыграло решающую роль в наших отношениях. Он был очень аккуратен, вежлив и щепетилен. Приезжая ко мне из Ленинграда, он непременно привозил сувениры моим жене и детям. А мне так не просто сувенир, а полотно хорошего художника, например.

Что-то мы с ним вместе покупали и что-то продавали. Однажды лазерный принтер — появились уже и такие — мы с ним продали не кому-нибудь, а самому Ходорковскому. Но тот тогда еще был просто Мишей и, наверное, не помнит этого эпизода в своей жизни. И мы тогда знать не могли, с кем имеем дело. Помню только, что кооператив его в каком-то из Тверских-Ямских переулков был.

И вот вдруг позвонил неизвестный мне знакомый моего ленинградского приятеля.

Впрочем, раз уж мы так много говорим о бизнесе, надо сначала нарисовать более полную картинку тогдашней деловой жизни в стране.

9.

И здесь я как раз подошел к той интересной и загадочной особенности юного российского предпринимательства, о которой давно хотелось рассказать. Загадочность ее проявлялась в выборе предметов торговли. Дело в том, что самыми популярными товарами тогда были «тушки», красная ртуть и медвежья желчь. Изредка кто-то предлагал что-то другое, например, пчелиный яд или шкурку гюрзы.

Дело в том, что большинство граждан компьютерный бизнес пугал сложностью и непонятностью объекта купли-продажи, а еще, более того, внезапной и преждевременной смертью самого предпринимателя. А заработать быстро и много хотели все.

Был такой анекдотец на заре постсоветского капитализма. Встречаются двое. Один говорит другому:

— Слушай, есть два вагона маргарина. Интересует?

— Конечно! За сколько?

— Полтора миллиона!

— Не, дороговато... Давай за миллион?

— Договорились!

И разбежались в разные стороны — один побежал искать деньги, а другой — маргарин.

Новоявленные бизнесмены, вчера еще тихие скромные научные сотрудники разных НИИ, как с цепи сорвались. Раньше, в советское время, предпринимательская их деятельность не выходила за рамки выращивания на своем садовом участке картошки, чтобы потом ее весь год есть, пусть подгнившую, но зато бесплатную, как им казалось. Этот вид бизнеса был очень популярен среди москвичей, тем более что

в магазинах картошка была тоже гниловатая, но не бесплатная, а по десять копеек за кило.

И вдруг буквально в одночасье все коренным образом изменилось. Вчера еще сшибавший трешку до получки научный сотрудник вдруг стал таким важным, таким серьезным! На работу ходить забросил и, сидя дома, сутками изучал какие-то контракты, кому-то названивал, оговаривая детали сделки по купле-продаже каких-то «тушек» и комиссионные проценты.

Должен заметить, что мобильных телефонов в описываемое время все еще не было, хотя, написав это, чувствую себя лжецом, в лучшем случае фантазером. Время от времени продавец «тушек» вскидывался, сгребал свои бумаги в портфель и бежал на деловую встречу. Встречался он где-нибудь в метро с таким же, как и сам, бывшим научным сотрудником, но из другого НИИ. Встретившись, они заговорщицки шептались, свысока поглядывая на других пассажиров, и, обменявшись бумагами, разъезжались с сознанием своей значимости.

Теперь надо пояснить, что же это за «тушки» были, торгуя которыми люди преисполнялись таким самоуважением. «Тушки» — это совсем не продукция куроводческих ферм, как, может, кто-нибудь подумал. Это — самолеты. Большие такие, пассажирские. Аэробусы тоже. Не настоящие Airbus, конечно, так у нас тогда называли ИЛ-86.

Потом я размышлял над природой происхождения этой клички и думаю, что первым продавцам пришло в голову начать бизнес с самолетов марки ТУ, поэтому они ласково прозвали предмет своего интереса «тушкой». А потом увидели, что это обозначение подходит вообще ко всем самолетам, и слово приобрело в русском языке новое значение. Почему я говорю о полноправном вхождении этого слова в язык — потому, что «тушками» тогда не торговал только ленивый, по-моему. Ну или тот, кто уже торговал компьютерами.

Таких, кто торговал более прозаическими вещами — продуктами или одеждой, сапогами, — я тогда просто не встречал. Нет, были, конечно, коробейники, тягавшие неподъемные баулы с разным барахлом из Польши или Турции, но это был мелкий бизнес.

А я сейчас о крупном бизнесе говорю, потому что мелким бизнесом никто заниматься не хотел. Всем хотелось, глядя на компьютерщиков, сразу и много.

Поэтому прейскурант молодой рыночной экономики составляли почти исключительно три вышеупомянутых товарных наименования. Продал литр желчи — получи сто тысяч комиссионных, продал «тушку» — получи миллион, продал банку ртути — миллиард! И посрамленные компьютерщики горько плачут в стороне.

Нет, были, конечно, и любители змеиного яда или мумие, но там все не так интересно: ценник напоминает не международный телефонный номер, а лишь автомобильный.

Причем если самолеты многие видели, а некоторые даже летали на них, то медвежью желчь и красную ртуть видеть не доводилось никому — ни тем, кто покупал, ни тем, кто продавал. Так же как никто не знал достоверно сферы применения этих замечательных товаров.

Не довелось мне также встретить человека, который хотя бы одну из подобных сделок довел до конца. Но зато было очень много таких, кто почти совершил сделку, но в самый последний момент что-то сорвалось по какой-то ерундовой причине. Еще больше было таких, у которых ничего не сорвалось, все шло по плану и вот-вот должно было счастливо закончиться. Но, боюсь, что у них тоже ничего не получилось, во всяком случае у приверженцев красной ртути, потому что через несколько лет выяснилось, что такого вещества просто не существует.

Я, человек прозаический и без фантазиев, старался держаться подальше от этой коммерции. Спокойно занимался компьютерами, не помышляя о более высоких сферах. Но многие мои знакомые считали своим долгом и меня вовлечь в эту интересную и бесплодную деятельность. Особенно мой сосед, Владимир Иванович, немолодой уже человек, мучил меня. Почему-то он очень хотел, чтобы я поучаствовал с ним в баснословных прибылях, и таскал на разные встречи, питая ничем не обоснованные иллюзии по поводу моего коммерческого гения. Я ездил с ним отчасти из любопытства, отчасти от нежелания обижать соседа, но уж никак не с целью наживы — мои устремления, повторяю, были скромнее.

Да, все эти желчи, «тушки» и ртути сулили моментальное обогащение, и именно эта легкость перехода в новое качество и была так мила моим соотечественникам, многим из которых, в том числе и моему соседу Владимиру Ивановичу, так и не удалось пережить то интересное время.

10.

Однако вернемся к тому, что он мне позвонил. Позвонил и, представившись Анатолием Константиновичем и хорошим знакомым моего питерского приятеля, поведал, что у него есть хороший компьютер. Полный комплект — системный блок, монитор, клавиатура и даже мышка. Рассказал о конфигурации и характеристиках компьютера. Стоит комплект всего шестьдесят тысяч рублей, но владельцу нужно очень быстро продать, он должен срочно возвращаться в Ленинград, поэтому пять тысяч он готов уступить сразу, без торга.

В общем, да, для этой конфигурации шестьдесят тысяч — действительно неплохая цена, но что-то сразу скороговорка моего собеседника мне не понравилась. Вот именно скороговоркой он как-то все это говорил, не давая собеседнику опомниться. Я поблагодарил и вежливо отказался, мотивируя отказ отсутствием средств. Отказ мой его не смутил, он сказал, что в Москве проездом, с компьютером в машине ему ездить неудобно, он готов его привезти и оставить у меня дома, чтобы я в спокойной обстановке протестировал машину, насладился ею и назвал свою цену. И если мы не сойдемся, завтра он компьютер заберет. Это был неслыханный акт доверия — вот так, незнакомому человеку отдать, пусть на время, вещь, которая стоит одиннадцать автомобилей «Жигули»!

Но он как будто услышал мое удивление и сказал, что наш общий знакомый много обо мне говорил как о человеке, которому можно безгранично доверять.

Ну ладно, пусть везет, думаю, это меня ни к чему не обязывает.

Через некоторое время звонок в дверь. Открываю и, взглянув на лицо гостя, понимаю, что никакого компьютера мне от него не нужно, даже и забесплатно. Анатолий Константинович был страшен, хоть и в изысканном галстуке и в отутюженном костюме. Он улыбнулся мне улыбкой Квазимодо, и худющее изможденное лицо его, изъеденное оспой, стало жутким до умопомрачения. И мало того, что он заговорил скороговоркой, он весь был как скороговорка — необычайно подвижен во всех суставах и даже вне их.

Я был так ошарашен, что не успел и слова сказать, как страшный гость ненавязчиво протолкнул в дверь две большие коробки и поспешно откланялся, не напрашиваясь на чашку чая. Напоследок он, так и не переступивши порога, протянул мне руку для рукопожатия, и пальцы его показались мне бескостными, потому что извивались, как щупальца осьминога.

Закрывши за гостем дверь, я накинул цепочку, и тут силы покинули меня. Я сел на одну из принесенных коробок и стал думать, как жить дальше. По всему выходило, что никак.

К вечеру я немного успокоился и даже стал укорять себя, что негоже так по одежке встречать гостей. И, может быть, это и не оспа никакая, а банальная ветрянка так разукрасила моего гостя. Так расхрабрился я в конце концов, что решил открыть коробки и посмотреть, что же там мне предлагают с хорошей скидкой. Я знал, конечно, что бесплатный сыр только в мышеловках, но разные же бывают обстоятельства! Сам я не раз продавал что-то дешевле, чем покупал, — обстоятельства.

Но увиденное в коробках меня не порадовало. Да, все там было на месте, но это был не новый компьютер и даже не из одного комплекта. Монитор одной фирмы, а системный блок другой. Вооружился я лупой и стал изучать винтики на системном блоке. Ну, конечно, их уже откручивали. Да, это был так называемый рабочий аппарат, который уже не раз и не два, наверное, продавали таким идиотам, как я. И я, скорее всего, назначен быть следующим покупателем, труп которого ночные дорожные рабочие должны будут закатать в свежий асфальт за скромное вознаграждение в сто долларов.

Что делать? Надо как-то избавиться от этого комплекта, но о том, что хозяин его еще раз придет ко мне домой, не может быть и речи. Надо на нейтральной территории.

На следующий день он мне не позвонил и не обеспокоился судьбой своего компьютера. И я даже совсем успокоился и стал думать, что у страха глаза велики и ни к чему так нервничать. Через день опять не позвонил, и я подумал, что если позвонит, почему бы мне и не купить этот товар. Ну, не за шестьдесят, конечно, тысяч, а, скажем, за сорок. Очень даже может быть.

На третий день утром раздался телефонный звонок, и я услышал наконец скрипучий голос страшного обладателя сборного компьютера. Оказывается, он, как и обещал, уехал тогда в Ленинград, но дела его там задержали, и он приносит извинения за то, что его компьютер несколько дней у меня квартировал. Он сейчас приедет за техникой, если я не надумал покупать, а в качестве компенсации с него бутылка хорошего коньяка причитается.

Да ладно, говорю ему я, приезжать ко мне не обязательно, я тебе сам этот компьютер привезу, куда скажешь. А если действительно хотите продавать, могу предложить сорок тысяч, больше у меня нет. Если согласны, скажите, куда подвезти деньги.

Анатолий Константинович расстроился:

— Нет, на такую цену я полномочий не имею... Я сейчас хозяину позвоню, а потом с вами свяжусь, ладно?

Через какое-то время, действительно, звонок, и ленинградский продавец расстроенным голосом скрипит, что хозяин компьютера не только торговаться — вообще продавать компьютер раздумал. И надо бы его забрать у меня в любом месте где мне удобно. Но коньяк за беспокойство остается в силе, и даже умноженный на два.

— Ладно, — говорю, успокоившись, я, — приезжайте ко мне домой, ваши коробки стоят в прихожей.

Анатолий Константинович был очень признателен мне и примчался через полчаса. Он опять не сделал попытки войти в квартиру, и в этот раз он мне не показался таким уж страшным. Ну, скелет и скелет, со всяким может случиться, и даже случится обязательно.

На прощанье он вручил мне две бутылки действительно очень хорошего коньяка, а я, пожимая его руку, не заметил, что пальцы его похожи на щупальца осьминога.

11.

Вечером следующего дня вдруг звонок. Анатолий Константинович, не давая мне опомниться, своей обычной скороговоркой, глотая слова, спрашивает заговорщицки, могу ли я срочно, через полчаса, подъехать к такому-то метро. Оказывается, у хозяина компьютера вчера случился ужас — сын в аварию попал, лежит со сломанной ногой в реанимации — и ему срочно нужно возвращаться в Ленинград. Поэтому он готов расстаться со своим замечательным компьютером, и при том на моих условиях. Но ему срочно деньги нужны, через три часа ему в аэропорт.

Времени остается мало, через час я должен быть на месте и с деньгами.

Я обескураженно:

— Ну, за час мне туда на машине никак не успеть.

— А вы на метро поезжайте! Я у выхода вас встречу на своей машине, — заливается скороговористый соловей.

Не понравилась мне его прыть, и что это вообще такое — семь пятниц на неделе. То продаю, то не продаю. Но главное, что мне не понравилось, это то, что я должен на его машине ехать неизвестно куда. С полной сумкой денег не хотелось ехать, а торговля компьютерами у метро тогда была не принята. Но и поездка куда-то на его машине была совершенно исключена.

Тогда я решил позвонить своему близкому другу — он как раз недалеко от той станции метро живет, куда мне ехать надо. Думаю, если Сережа сможет поехать со мной — поеду, а нет, так провались пропадом этот слишком дешевый компьютер! Сережа смог.

Едва выйдя из метро, я тут же столкнулся с ушлым продавцом компьютеров по сходной цене, и он заторопил меня — вон его «Волга» стоит, и шофер скучает, не глуша мотора. Но тут я и встречавшего меня Сережу увидел и заявил владельцу «Волги», что я поеду на своей машине, вон она стоит, рядышком с вашей «Волгой».

Видно было, что визави мой несколько обескуражен, но что возразить он не нашелся и только сказал, чтобы мы ехали за ними.

Мы с Сергеем ехали за этой «Волгой» по каким-то незнакомым улицам и переулкам и все ближе были к тому, чтобы развернуться обратно и ударить по газам. Но, казалось, пока контролируем ситуацию, и откладывали разворот. Но вдруг мы въехали в мрачную тьму, а впереди идущая «Волга» резко затормозила. Мы оказались рядом с последним подъездом какой-то облезлой пятиэтажной хрущобы, и путь вперед был нам прегражден «Волгой» продавца этого треклятого компьютера, который мне совсем уже не хотелось покупать. Мне хотелось одного — выйти живым из этой переделки. Хотя, будучи здравомыслящим, я почти не допускал такой возможности. Ведь знал же все про бесплатный сыр, но алчность лишила рассудка.

Но теплилась, теплилась надежда, что у нас только отберут деньги, а самих оставят в живых. Ну почему нет? Мы же сопротивляться не будем. Особенно Сережу было жалко, который пострадает только за то, что не умел правильно выбирать друзей.

Темень стояла уже кромешная, и для вящей убедительности Толина «Волга», что загораживала нам путь вперед, потушила огни. В ту же секунду из «Волги» выскочил скороговорочный осьминог в изысканном галстуке и подбежал к нам. Я закрыл глаза, но Анатолий Константинович почему-то не стал стрелять через стекло и просил открыть окно.

Я открыл — не могу не откликнуться на вежливое обращение. Вместо звука пистолета из-за окна послышался смеющийся скрипучий голос этого гада:

— Что, даже грузить сами не будете? Вон ваш компьютер у подъезда стоит.

Действительно, у подъезда белели две большие знакомые мне уже коробки. Грузить не хотелось и даже видеть эти коробки не хотелось, и, видя наше замешательство, осьминог в галстуке, продолжая похохатывать и балагурить, сам пошел за коробками и крикнул своему шоферу, чтобы тот помог. Но видно было, что, несмотря на веселость, продавец немного нервничает.

Коробки были большие и просто так в багажник Сережиной «восьмерки» не поместились бы. Пришлось нам с ним выйти из машины, чтобы сложить заднее сиденье.

Уложивши коробки с компьютером, Анатолий Константинович с хохотком призвал нас посмотреть, не кирпичи ли он в коробки нам положил, но мне уже было все равно, я уже был согласен и на кирпичи и вслух сказал, что доверяю ему. Крышку багажника захлопнули, и только тогда продавец поинтересовался деньгами. Я протянул ему сумку, но он ее даже раскрывать не стал, сказав, что тоже доверяет мне.

Мы собрались было уезжать, но Анатолий Константинович попросил подождать еще немного: он отнесет деньги в квартиру и вернется. Оказывается, у него еще есть сказочное предложение для нас. Отдавши деньги, мы с Сергеем почти совсем успокоились. Зачем нас теперь убивать? Забрать обратно компьютер? Он мог его и не загружать, не мучиться, мы бы и так ему деньги отдали.

Вернулся он быстро, но слегка озабоченный. Оказывается, его «Волга» должна срочно везти в аэро-

порт бывшего хозяина компьютера, и ему самому не на чем теперь уехать. Он просил о маленькой услуге — подвезти его до метро, которое, кстати, скоро должно было закрыться. Подвозить осьминога не хотелось — опять зашевелились страхи. Тем более что он стал особенно суетлив.

— Анатолий Константинович, у нас же и места нет! Мы же сложили заднее сиденье!

— Да ничего, я худенький, куда-нибудь протиснусь, — продолжал суетиться всеми щупальцами осьминог.

Конечно, можно было как-то потесниться, но чем больше суетился этот субъект, тем отчетливее понимал я, что сажать его к нам в машину никак нельзя.

Сергей включил задний ход, и осьминог Константинович совсем расстроился:

— Подождите, подождите, я же вам еще не рассказал о сказочном предложении!

— Завтра, Толя, завтра, все завтра! — прокричал я в открытое окно, пока Сережа лихо выруливал из тупика.

12.

Мы успели на задней скорости вырулить на улицу и проехать по ней метров пятьдесят, как вдруг сзади нас нагнал милицейский «москвич» с включенной сиреной. Ну попали! Из огня да в полымя! Сейчас повяжут: откуда у нас среди ночи в машине компьютер и безо всяких документов. В лучшем случае до утра в милиции продержат, а в худшем... Милиция в то время создавала здоровую и успешную конкуренцию бандитам. Отличие было в том, что милиционеры выглядели поаккуратнее — они тогда еще в форме, а не в спортивных штанах ходили, но зато бандиты попорядочнее были.

Мордатый сержант подошел к нашей машине и предложил выйти и предъявить документы. Лейтенант остался стоять у своего «москвичонка», готовясь применить оружие. Мы с Сергеем вышли из машины и увидели бегущего в нашу сторону... Толю. Но он не добежал до нас, остановился возле милицейского «москвича» и стал что-то эмоционально говорить лейтенанту. Вот ведь, молодец какой, за нас заступаться прибежал! А я так плохо о нем думал...

Анатолий Константинович в красивом галстуке не зря размахивал руками перед лицом лейтенанта, через минуту тот вдруг приказал своему подчиненному оставить нас в покое. После этого Толя подошел к нам и сказал, что все урегулировал и мы можем спокойно ехать дальше.

Мы и поехали, окончательно успокаиваясь и впадая в бурное веселье.

В два часа ночи Сергей довез меня до дому, мы затащили с ним треклятый компьютер в квартиру, и он поспешил домой, справедливо полагая, что на сегодня с него довольно.

Едва лишь под окном стих звук удаляющегося Сережиного автомобиля, в доме раздался телефонный звонок. Это был многорукий Анатолий. Убитым голосом он сообщил, что случилась накладка и наша сделка отменяется. Он скоро приедет и привезет мои деньги, а взамен хочет получить свой компьютер.

Это уже было слишком, и я категорически возразил, что сегодня об этом не может быть и речи, подождем до утра.

— Нет-нет! — горячо возразил Толя. — Именно сегодня! Я выезжаю!

И повесил трубку.

Мне снова стало страшно, хотя в квартире я был не один, а вместе со всей семьей. Но оттого и страшней было. Времена были очень лихие.

Через короткое время звонок в дверь. Я, не открывая, велел гостю убираться восвояси. Он уговаривал меня открыть дверь, забрать деньги и вернуть компьютер. Голос его был спокоен и тем страшней. Я сказал, что вызываю милицию.

— Давай-давай, вызывай, — тем же спокойным голосом воодушевил меня проклятый компьютероторговец.

Может быть, он подумал, что я не решусь, чтобы не объясняться с милицией про непонятный компьютер, но я набрал 02 и сказал, что бандиты ломятся в мою квартиру.

Милиция приехала чуть ли не тут же, как будто они ждали моего звонка за углом дома, но настырный гость удивительным образом успел покинуть подъезд и двор нашего дома буквально в последнюю секунду. Я смотрел из окна — едва его «Волга» скрылась за углом нашего дома, как из-за другого угла показался милицейский уазик.

Я наконец открыл дверь и встретил двух вооруженных автоматами милиционеров, один из которых взбежал по лестнице, другой поднялся на лифте. Они выслушали мои объяснения и извинения за ложный вызов и приободрили:

— Ничего страшного, если он вернется, сразу звоните снова.

Про компьютер ничего спрашивать не стали, сразу откланялись. Все-таки были еще в Москве хорошие милиционеры.

Тоскливо было оставаться одному, захотелось позвать кого-то из друзей, чтобы не так тоскливо было, — не будить же семью. Но Сережа уже уехал, а мобильных телефонов, как я уже говорил, еще не придумали. И тогда я позвонил другому своему старому московскому другу, старейшему. Тому самому Лене, с которым мы в Ригу на поезде вычислительный центр везли. В двух словах обрисовав ситуацию, я ему

говорю: приезжай, что-то скучно мне. Он, ни слова не говоря, взял такси и приехал. И это удивительно, ведь из рассказа моего было понятно, что его здесь могут убить.

Как-то мы с ним скоротали остаток ночи, а утром вновь позвонил обладатель красивого галстука и сказал, что ему все же крайне необходимо вернуть компьютер обратно. Он подъедет и не будет заходить в подъезд, готов меня встретить внизу и отдать деньги. А потом я сам поднимусь домой и вынесу ему его проклятый металлолом. Предложение звучало разумно, но я все же вызвал еще подмогу на двух машинах для нашей новой и, как я был уверен, последней встречи. Процесс обратной покупки прошел без эксцессов.

13.

Прошли дни, а может, и месяц, и я стал потихоньку приходить в себя, забывая нашу последнюю встречу с экстравагантным продавцом компьютеров.

Но он не успокоился и, выждав некоторое время, пока я перестану бояться темных подъездов, снова позвонил. Жуткий голос дружелюбно обрадовался, что я снял трубку, извинился за недоразумение, которое он мне непременно разъяснит при ближайшей встрече. И вообще с него ящик коньяка за доставленное беспокойство. Голос его был бесцветен и без нажима.

Я попросил компьютероторговца коньяк выпить самостоятельно, а мне больше не звонить никогда.

Но он время от времени продолжал звонить, не часто, раза два в месяц, но регулярно. То предлагал какой-то выпавший из контейнера на таможне телефакс совсем за бесценок, то еще что-то неожиданное и сладкое.

Телефакс — это уже точно надо объяснять, что такое, причем не только старым, но и молодым. Потому что это гениальное изобретение человечества просуществовало совсем недолго — лет десять-пятнадцать. Сначала хотел написать два-три года, потом решил посчитать — и господи, как быстро летит время!

Телефакс в двух словах — сунешь у себя дома в аппарат письмо какое-нибудь, даже написанное от руки, или даже дулю нарисованную, или сторублевку — и набираешь на аппарате телефонный номер того, кому письмо хочешь донести. Потом еще одну кнопочку нажмешь, и они там, куда ты звонишь, сию же секунду получат эту сторублевку или дулю.

Если, конечно, у них есть такой же аппарат.

И пока мы с отвисшими челюстями наблюдали, как телефакс этот чудесный выкакивал с противным скрипом очередную бумажку, время опять ушло вперед, и теперь уже любой может послать дулю своему другу по Интернету, безо всякого дополнительного аппарата.

Теперь не только телефакс, даже и бумажка не нужна. А за несколько лет до смерти своей бесславной этот аппаратик-телефаксик успел еще и кастрацию пережить — стали его звать просто факсом, что без приставки «теле» вообще всякие приличия потеряло, если кто помнит английский язык. Ну да бог с ним, с этим бесстыжим телефаксом. Так вот, этот компьютерный аферист продолжал мне звонить, но теперь он расширил свой ассортимент до телефаксов и прочих новинок оргтехники. Я всякий раз от всех его предложений вежливо, но категорически отказывался, но он не унывал и продолжал позванивать.

В последний раз он предложил мне выкупить вместе с ним партию телефонов-автоответчиков Panasonic-2490 с двумя кассетами. Новая модель. На одной кассете записываешь свое сообщение для тех, кто тебя домогается, а на другой записывается их ответ. Это был сравнительно громоздкий аппарат, потому что микрокассет тогда еще не придумали и в него надо было вставлять две обычные.

Оказывается, этот товар на таможне задержан, и они его продают за бесценок. Но только брать надо сразу целую коробку, а там не то шесть, не то двенадцать телефонов, сейчас не помню. А у него на всю коробку денег не хватает.

Ну вот, он нашел все-таки правильное время позвонить, когда я сидел в квартире один, немного навеселе и поэтому смелый. И я согласился посмотреть на его телефоны.

Он приехал довольно быстро и деловито втащил в квартиру большую коробку автоответчиков Panasonic. Зайдя в комнату, он осмотрелся и несколько фамильярно и неодобрительно заметил:

— Квасишь?

Составить компанию отказался и сразу приступил к финансовым выкладкам. Рассказал, сколько мы сможем на этом заработать. Точных цифр не помню, но что-то раз в семь-восемь мы должны были подняться.

И я согласился поучаствовать в совместном с ним предприятии, но сначала захотел выслушать его рассказ про ту нашу первую, так и не состоявшуюся сделку.

Толя подробно рассказал мне о той сделке, а заодно и многое о себе. Оказывается, зря я его так боялся — он не бандит никакой, а скромный вор и честный мошенник. Позже выяснилось, что зря он скромничал — Толя был высокопрофессиональным воромкарманником, входящим в десятку лучших в СССР, и гениальным мошенником. Про десятку чемпионов мне потом кто-то из авторитетных в этом виде спорта рассказал.

Он недавно освободился после шестилетней отсидки и решил начать честную жизнь — времена, пока он сидел, сильно изменились, и незачем теперь было мелочь по карманам тырить — можно зарабатывать по-честному и по-крупному.

— Неплохо же ты новую жизнь начинаешь! — съехидничал я, имея в виду нашу первую сделку, с которой теперь стало все ясно.

Оказывается, это была блестяще задуманная афера, которая сорвалась только потому, что у нас с Сережей места в машине для Толи не оказалось. Он должен был непременно сесть в нашу машину, чтобы милиционеры в «москвиче», которые были с ним в доле, задержали нас всех троих. Нас должны были доставить в отделение милиции, а ближе к утру отпустить, причем нас с Сергеем пораньше. Выйдя из отделения, мы должны были не обнаружить нашей машины, потому что ночью ее кто-то угнал. И это все! Рабочий компьютер вернулся бы к Толе, с которого теперь взятки гладки, потому что он в момент угона машины вместе с нами сидел в отделении милиции.

Я был поражен:

— Ну и что? Ну забрали бы менты только нас с Серегой, без тебя? А дальше менты сами так же угнали бы машину и вернули тебе компьютер! Почему нет?

— Нет потому, что в таком случае вы могли заподозрить меня! А это в мои планы никак не входило.

Потом, спустя долгое время, я его спросил как-то, как когда-то своего кузена Диму в Чирчике: зачем я ему так был нужен? Он меня не знает, я его не знаю, почему именно я так потребовался ему, чтобы начинать какой-то бизнес? Что он, своими друзьями не обзавелся за почти сорок лет жизни?

— Нет, — ответил мне Толя, — не обзавелся. Как-то не удалось. А тебя я выбрал потому, что ты очень осторожный. Ты тогда разрушил всю мою любовно придуманную операцию.

Странно, я-то всегда думал, что я бесшабашный и где-то даже безбашенный. Трусливый, может быть, но бесшабашный все равно.

— Ты хочешь сказать — трусливый я и этим тебе понравился?

— Нет. Ты не трусливый, ты именно осторожный.

Так я и не понял, в чем разница. Но думаю, была и еще причина, почему свою новую жизнь Толя решил строить с моей помощью. У меня были какие-то наработанные связи в части реализации оргтехники, которых у Толи из-за пребывания в местах не столь отдаленных не завелось.

Но и мне от этого сотрудничества большая польза была. Дело в том, что сам я очень неорганизованный и ленивый. И занятие бизнесом, не знаю почему, никогда мне не доставляло особого удовольствия. Того самого, когда вложенная копеечка в рубль превращается, а рубль в миллион, и ты, как игрок маниакальный, стоишь над этим процессом. Я занимался этим ради денег — не из азарта. Как только деньги появлялись, я сразу терял интерес к работе, ибо не могу я работать, когда у меня деньги есть — их надо срочно потратить. И вот теперь Толя заставит меня работать.

14.

Однажды, теплым весенним вечером в середине 1970-х годов, из парадного ленинградской гостиницы «Европейская» вывалился в благодушном настроении и в ненашенском костюме гражданин в поисках алкогольных и сексуальных приключений. Он уже выпил, конечно, но пока недостаточно.

Не только по костюму — по всему видно было, что человек он не нашенский. Хотя бы потому, что он в гостиницу «Европейская» вхож.

Единственное, что роднило его с нашими, — это изрядное, хоть и недостаточное подпитие.

Не успел гость северной столицы сделать и нескольких шагов, как к нему подскочил какой-то вертлявый абориген и, охваченный невероятной радостью, начал суетиться руками, лицом и словами, обнимая и тиская недоумевающего финна.

Да, это был финн и его неожиданный обниматель и целователь прекрасно это знал, потому, что суетился не просто словами, а исключительно финскими. Любвеобильный абориген не давал гостю и слова сказать, и финские слова выскакивали из его захлебывающегося от радостных всхохатываний рта, как пули из автомата Калашникова.

Некоторые пули могли бы показаться знакомыми и нашим людям, не знавшим финской мовы. В частности, несколько раз прозвучало имя уставшего от бесконечного президентства финского лидера Урхо Кекконена, который был большим другом Советского Союза и даже кавалером ордена Ленина, что для лидера капиталистической страны было просто нонсенсом.

Советско-финская дружба в те годы была тесной до неприличия: с некоторыми социалистическими странами у нас были более прохладные отношения, чем с капиталистической Финляндией.

Поэтому наши друзья финны любили на выходные смотаться в Ленинград. Сейчас это назвали бы алкотуром. А чего им дома не пилось? Что, у нас водка слаще, что ли? Может, и не слаще, но дешевле и доступней. Финляндия хоть и не была в то время совсем «сухой» страной, но любителю, а тем более профессионалу, разгуляться было трудно.

Вот такого туриста и выждал виртуозный специалист по чужим карманам Толя, выучив в финской

газете несколько абзацев речи Брежнева на встрече с дорогим другом Урхо Кекконеном, который, говорят, и сам был не дурачок выпить и, может быть, потому и частил с визитами в СССР.

Ну, им там с Брежневым хорошо было, а вот соотечественнику Урхо повезло меньше. Довольно быстро его нежданно обретенный друг понял, что ошибся, приняв финна за друга детства и, расшаркавшись, быстро удалился, пряча в рукаве бумажник алкотуриста.

Толя вообще-то не склонен был хвастаться, и подробности его биографии я узнавал очень постепенно, гомеопатическими дозами, когда мы сиживали с ним за самоваром. Как-то — не специально, а к слову — он сказал, скромно потупив взгляд, что в свое время входил в десятку лучших карманников Советского Союза. И я в восхищении стал требовать его продемонстрировать свое искусство.

Я не то чтобы сомневался в его способностях — просто хотел посмотреть, на какие хитрости пускается карманник, чтобы облапошить свою жертву. Хотя и сомнения, конечно, тоже были. Даже не то чтобы сомнения — упрямство какое-то. Дескать, с какими-то лохами у тебя это, может быть, и проходило, но не со мной! Конечно, это не совсем честно с моей стороны было (если слово «честность» вообще применимо к карманному ремеслу) — ведь я сам провоцировал преступление, то есть был готов к нему, предупрежден.

Но Толя всякий раз отмахивался. Дескать, забыл все и руки навык потеряли — сколько уж лет прошло, как не практиковал. Но я нет-нет и вспоминал снова о своем желании быть обворованным.

И вот однажды, когда мы с ним прогуливались по участку моего загородного дома, я снова вспомнил, что неплохо бы слова подкреплять делами. В тот день я был в туго обтягивающих мое доброе тело джинсах. Настолько туго, что объемистое портмоне, покоившееся в левом кармане этого изобретения американских пастухов и доставлявшее мне страдания при ходьбе, сам я достать не мог. Ну не то чтобы совсем не мог — если лечь, вытянувшись в струнку, двумя руками — одной вытягивая портмоне, другой поддерживая карман, чтобы не оторвался вместе с содержимым, можно было. Не знаю, зачем я его и носил, ибо практического смысла в этом не было никакого и деньги я держал в другом кармане.

И вот теперь я с особенным злорадством снова предложил своему другу занести меня в список «потерпевших». При этом я на всякий случай левой рукой крепко придерживаю карман с портмоне. И только ядерный взрыв способен оторвать от кармана эту руку. Пальцы сжаты до хруста и белизны. Я понимаю, что он захочет дождаться, пока я забуду и расслаблюсь. Но не дождется, злодей!

Мы стояли возле грядки с хорошо уродившимся чесноком, и Толя только поцокивал языком, расхваливая мои агрономические успехи. На мои претензии он снова запел было песню о старых забывших ремесло заскорузлых руках, и вдруг, безо всякого перехода, неожиданно и по-хамски крепко схватил меня за место, где сходятся штанины, или, по определению Игоря Губермана, «за фаберже».

Возмущенный и ошарашенный, я инстинктивно отбил его руку и предложил объясниться. Он миролюбиво заявил, что пошутил. С трудом приходя в себя от его идиотской шутки, я посетовал, что лучше бы он занимался, чем велено было, — сегодня не его день для шуток. И тут обнаружил, что рука моя, бросившаяся на защиту самого драгоценного, так еще и не вернулась к своей главной обязанности — защите кармана. Рука моментально вернулась к своему посту, но... вместо твердости высушенной воловьей шкуры нащупала сквозь материю брюк лишь податливую и вялую человечью плоть.

15.

Мы начали работать вместе. Я его сразу предупредил, что криминала у нас не будет, и он с удовольствием согласился. Мы быстренько открыли свою фирму, наняли добросовестного и исполнительного юношу, и работа закипела.

Толя был генератором идей, но окончательное решение принимать их или нет было за мной. Большинство из его идей были потрясающе интересными, но сомнительными в плане законности, и я их сразу отсеивал.

И все-таки одно из самых первых наших дел удостоилось заметки с обидным названием «Жулики из...» (далее шло название нашей фирмы) в одной из московских газет.

Так уж прямо и жулики! Просто нам надо было быстренько сколотить первоначальный капитал для нашей молодой фирмы, и Толя придумал простой, как две копейки, способ, который я счел безобидным.

Тогда была такая услуга (а может, и сейчас есть) — письма наложенным платежом. Это ценное письмо, которое не доставлялось адресату, а оставалось на почте, пока адресат сам за ним не придет и не заплатит сумму, в которую письмо оценено отправителем. А почта потом переводит эти деньги на счет отправителя. Вот и вся схема.

Мы напечатали тысячу экземпляров нашего предложения, а предлагали мы купить у нас компьютеры и другую оргтехнику, запечатали их в конверты и разослали наложенным платежом в двадцать рублей тысяче крупных предприятий, адреса которых почерпнули из телефонного справочника.

Лихо это было, конечно, — не просто навязывать свою рекламу потребителю, а еще и за деньги.

Жулики... А бумага, а печать, а конверты? А почтовые услуги? Да мы рублей как бы не сто на все это потратили!

И получили в итоге не двадцать тысяч, а гораздо меньше — тысяч двенадцать. Многие ушлые предприятия не захотели на почте выкупать кота в мешке. Но мы на много и не рассчитывали.

С Толей мы очень быстро сближались — почти каждый день встречались у него или у меня дома. Он оказался очень интересным, начитанным и остроумным человеком.

Вначале я еще искоса на него поглядывал и даже сказал как-то: вот я тебя привечаю у себя дома, а ты меня потом ограбишь. Он сразу посерьезнел и сказал, что у них так не принято:

— Если я с тобой за одним столом ел-пил, то нет, никогда!

Он был очень привержен каким-то старым воровским кодексам, но наступали новые времена, и в криминальном мире такие, как он, оставались как недовымершие мамонты. На смену им приходили молодые, но сразу отмороженные беспредельщики, которые быстро перестреляли недовымерших, а потом и друг друга.

Жены наши тоже благосклонно отнеслись к нашей дружбе. Моя потому, что Толя оказался непьющим, и это одно перевешивало все его прошлое. Боюсь, она даже серийные убийства простила бы ему за его трезвость, хотя и не принципиальную, а просто здоровья у него не было, чтобы еще и пить. Вспоминаю в этой связи другого своего друга, с которым подружился уже после Толи, лет через пять. Его звали Юрий Карякин, и он не входил ни в какие рейтинги воров и аферистов, а был известным писателем и философом. И вот сидим мы как-то с Юрием Федоровичем у меня в машине вблизи его дома в Переделкине, выпиваем, закусываем сухомяткой, и он мне жалуется:

— А ты знаешь, почему я спился? У меня было слишком хорошее здоровье!

Мне показалось слишком упрощенным такое объяснение природы алкоголизма, и я усомнился:

— Дык у меня тоже здоровье нешуточное!

— Так ты не беспокойся, ты тоже сопьешься!

Философ, однако!

Жена Толи, моя землячка Надира, тоже была мне рада. Но не за то, что я алкоголик. Просто до меня, оказывается, у ее мужа вообще друзей не было, во всяком случае таких, чтобы домой приходили и часами до ночи чай пили на ее кухне.

В наш бизнес жены совсем не лезли, но Надира, подсмеиваясь над своим мужем, говорила, что в танделе самый хитрый и ушлый совсем не он, с чем Толя радостно соглашался, как старший брат, правильно воспитавший младшего. Он был на семь лет старше меня. А теперь он на двадцать лет меня младше. Какая странная наука арифметика!

Сыновья мои малолетние тоже беззаветно полюбили дядю-волшебника, потому что он им всякий раз показывал какие-нибудь фокусы, притом приятные. Придет, например, и прямо с порога спрашивает старшенького, нет ли у того взаймы пяти копеек?

Тот бежит, находит у себя пятачок и приносит еле помещающуюся в детской ладошке монету. Дядя Толя с благодарностью пятачок принимает, зажимает его в кулак и тут же разжимает его снова, а на ладони пятачка уже нет. Вместо него лежит бумажка в пять долларов.

Довольный фокусом ребенок убегает с пятью долларами и через минуту присылает братишку с пятачком. Пока волшебник дядя Толя повторяет фокус с младшим, я быстренько снабжаю старшего еще одним пятачком и отправляю его повторить, но фокусник уже машет руками:

— Э, нет, братцы, хорош! С вашим папкой фокусы показывать я не договаривался!

Фокусы всегда были разные, дядя Толя не повторялся.

Он, оказывается, не лукавил, когда говорил, что настоящий вор не украдет у того, с кем хлеб за одним столом ел. Действительно, он меня больше никогда не обманывал, не то что обворовать.

Случалось, я ездил в Узбекистан, где у меня еще оставались родители, и иногда надолго уезжал, чуть не на месяц. Тогда Толя работал один, мы только обсуждали с ним какие-то дела по телефону, а когда я возвращался в Москву, он приходил с чемоданом, спрашивал ехидно, сладкая ли водочка была в Узбекистане, и вываливал из чемодана на стол пачки денег:

— Вот твоя доля за то время, что ты узбекскую водочку трескал!

Однажды в очередное мое пребывание в Узбекистане Толя вдруг и сам как снег наголову свалился — решил посмотреть, как я там живу. На родителей моих он произвел глубокое, но удручающее впечатление, и отец мне даже сказал потихоньку:

— Вижу, хороший человек твой друг, но он же профессиональный вор! Ты хоть знаешь об этом?

Я засмеялся:

— Как же ты видишь, что он вор? На нем написано, что ли?

— Написано, сынок, написано. Большими буквами написано.

Я объяснил папе, что Толя давно в завязке и теперь он честный бизнесмен и надежный друг.

Толя прогостил примерно с неделю, и за это время я успел еще раз нанести удар по его самолюбию мошенника и игрока. Как-то вечером он предложил мне сыграть в карты — так, по-дружески, чисто символически. Почему бы не поиграть? Я согласился.

Но в карты я играть категорически отказался и предложил шахматы. Шахматы, в свою очередь, так же категорически отверг Толя. Сошлись на нардах. Я, конечно, знал, что он будет мухлевать нещадно, но понадеялся на свое везение и пресловутую осторожность.

Многие мои друзья считают, что мне как-то сказочно везет в нарды, поэтому я почти всегда выигрываю. А мне кажется, просто играть уметь надо. Нарды, конечно, не шахматы, чего тут, казалось бы, уметь? А вот есть что уметь. Надо уметь быстро считать и навязывать свой темп противнику. Чтобы он в суматохе не успевал правильный ход выбрать.

Мы проиграли с Толей всю ночь. Костяшки нардов так и летали по доске, не задерживаясь на одном месте. Чтобы мухлевать, Толе тоже нужен был быстрый темп. Он, конечно, мухлевал как мог, и не всякий раз я ловил его, но к утру он проиграл двадцать две тысячи рублей.

Толя невозмутимо расплатился, но заявил, что с таким мошенником, как я, больше никогда не сядет играть.

Мы часами сиживали у него или у меня на кухне, строили очередные планы или трепались о том о сем. Иногда он рассказывал что-нибудь из своего прошлого. Иногда даже и выпивали понемножку, чтобы мне сделать приятное. Обычно многословный, он, когда выпьет, вообще не остановить. Да и не хотелось останавливать, если честно. Но выпивал он не часто и понемногу, мотивируя тем, что ему своей дури хватает.

Очень жалею, что не было диктофона, — так колоритно, занимательно и смешно Толя рассказывал. Мне, к сожалению, так не пересказать.

16.

В советское время многое трудно было купить в магазине. Что-то трудно, что-то просто невозможно. Машину, скажем, — это ж целое дело. В очередь сначала запишись, а потом много лет жди. Но чтобы в очередь записаться, тоже разнарядку надо было получить сперва — абы кого в очередь не записывали. А «Волгу», крутейший советский автомобиль, вообще только по высшим чинам распределяли. Помню, как папочка мой мечтал о «Волге», и даже цвет ее мы с ним обсуждали. Ему нравился серый. И, став главным энергетиком огромного химического объединения, он пошел к генеральному, чтобы ему выделили квоту. Вахид Кадырович остудил папу:

— Погоди, Рустамчик! Некрасиво получится. Все главные специалисты только «жигули» в личном пользовании имеют, а главный инженер, твой друг, вообще на «москвиче» ездит. Погоди, позже мы тебе «Волгу» сделаем.

Но неправильным будет думать, что «Волга» в Советском Союзе только академикам или директорам овощных рынков была доступна. Были и другие категории граждан. Например, мой же папа отправлял своих инженеров в дружественные Афганистан или на Кубу на два года, где они трудились на таком же, как у нас, предприятии. И, возвращаясь увешанными коробками с надписями Sony или Sanyo, они тут же приобретали «Волгу» в магазине «Березка», куда вход обычным советским людям был запрещен.

Папа так и не купил «Волгу», но должен сказать, что через годы я осуществил его мечту и купил просто в магазине без записи и очереди его любимый автомобиль, и, конечно, серого цвета. И эта «Волга» стала последним отечественным автомобилем в моей жизни. Редкое говно!

Да, я отвлекся, как обычно. Так вот, с мотоциклом попроще, конечно, было. Особенно если «Ковровец» или «Восход». Вообще-то это один и тот же мотоцикл, просто он бренд поменял, но это, наверное, один только я знаю.

Не то чтобы совсем просто, но недолго, полгодика всего и надо было походить в магазин, поотмечаться, чтобы купить «Восход». Даже коммунистом не обязательно быть, демократично всех в очередь записывали.

А вот хороший мотоцикл, скажем, «Урал» с коляской или чехословацкую «Яву», потруднее было купить. И желающие пускались на всякие хитрости.

Однажды такой страждущий, сам не местный, судя по растерянному виду, забрел в один из московских магазинов, где продавались и мотоциклы тоже. Ходил он, ходил по магазину, с тоской вглядываясь в глаза каждого встречного, пока в очередных глазах не увидел сочувствие и понимание. Мотолюбитель был благодарен за сочувствие, но подойти не решался — уж больно важный вид был у того человека — в галстуке красивом и с солидной кожаной папкой в руке.

Но сочувствующий вдруг сам еле заметным кивком пригласил потенциального мотоциклиста следовать за ним и задумчивой походкой вышел из магазина.

На улице он выслушал проблемы страждущего и предложил записаться в очередь. Даже предложил свою помощь в оформлении бумаг. Но его собеседни-

ка такое решение вопроса не удовлетворяло. Он поморщился и умоляюще произнес:

— Да мне сейчас очень надо...

Благодетель посмотрел на него строго и с горечью укорил:

— Без очереди хотите... Вот из-за таких, как вы, мы никак коммунизма и не построим!

Мотолюбителю стало стыдно под презрительным взглядом обладателя кожаной папки, но мотоцикла все-таки хотелось больше, чем коммунизма. Чтобы вернуть сочувствие собеседника, он принялся сбивчиво объяснять свои действительно серьезные обстоятельства, срочно требующие транспортного средства. И добился своего — глаза того потеплели.

— Что же мне с вами делать... — задумчиво произнес благодетель.

Взалкавший мотоцикла понял, что ответа не требуется, и почтительно и даже подобострастно молчал, остановив дыхание.

Подумав с минуту, добрый человек вдруг взглянул на небо и неожиданно огорошил собеседника:

— Кажется, дождь после обеда будет...

Потом глубоко вздохнул, раскрыл свою папку и стал перебирать разные бумаги. Пальцы его, сверхмузыкальные какие-то, казалось, изгибаются в разные стороны, как чрезмерно упитанные дождевые черви. Соискатель, как завороженный, следил за божественными руками благодетеля, не умея справиться с охватывающим его волнением. У него даже ноги задрожали, и он переминался, не в силах их унять.

Наконец благодетель захлопнул папку и задумчиво произнес:

— Есть сейчас у нас один «Урал»... Инвалид войны отказался... Обычному очереднику мы его предложить не можем, только инвалиду — это две разные очереди. Послали открытку следующему инвалиду войны, а он неделю уже не идет. А мотоцикл стоит на складе, людям глаза мозолит, разговоры всякие...

Без пяти минут мотоциклист вскричал шепотом:

— Конечно, конечно! Я заплачу сверху, сколько надо!

Глаза благодетеля похолодели, и он сказал с отвращением:

— Еще раз услышу о взятке, и вы точно останетесь без мотоцикла!

Соискатель совсем сконфузился.

— И вообще, я вам пока ничего не обещаю. Мне надо поговорить с директором. Я попробую объяснить ему ваши обстоятельства, и если он согласится... Пойдемте в магазин.

Они подошли к кабинету директора, благодетель велел покупателю подождать в коридоре, а сам вошел в кабинет. Он пробыл там минут пять, в течение которых оставленный в коридоре мотоциклист мучился проблемой, как бы ему отблагодарить благодетеля, чтобы тот не обиделся.

Благодетель вышел повеселевший и сказал, что вопрос решен! Только операция ведь не совсем законная получается — продажа мотоцикла без очереди, — и сегодня через кассу оформить покупку нельзя. Придется покупателю приехать с деньгами в начале следующего месяца.

Уже представлявший, как будет возвращаться домой на новеньком мотоцикле, а не на поезде, покупатель снова приуныл:

— Да как же так?! Неужели ничего нельзя сделать? Давайте я мотоцикл заберу сегодня и деньги отдам вам, а вы внесете их в кассу, когда будет можно?

Благодетель на несколько секунд задумался и снова скрылся в кабинете директора магазина. Вернулся очень быстро, сияющий:

— Директор согласился! Сегодня оформим все документы и заберете мотоцикл, но за кассовым чеком вам еще раз приезжать придется!

Покупатель еле сдержался, чтобы не расцеловать своего благодетеля, и прошептал с мольбой:

— Вы так для меня много сделали! Мне все-таки очень хочется как-то вас отблагодарить!

Собеседник нахмурился:

— Вы опять за свое?

Но увидев бесконечно расстроенное лицо этого простоватого, но хорошего без пяти минут обладателя мотоцикла, смилостивился с улыбкой:

— Ладно уж, когда приедете за чеком, вспрыснем вашу покупку! Только приезжайте без мотоцикла — за рулем выпивать нельзя!

Затем таинственный работник магазина перешел к делу:

— Сейчас выйдете из магазина и у входа увидите киоск «Союзпечати». Купите там конверт без марки и положите в него сумму для покупки мотоцикла. Не вздумайте положить больше, чем на ценнике, директор у нас очень принципиальный. И возвращайтесь сюда.

Счастливец на крыльях слетал к киоску и выполнил все, что от него требовалось.

Благодетель, дождавшись счастливого покупателя, раскрыл папку и сказал:

— Кладите конверт сюда. Я деньги пересчитывать не собираюсь, я не кассир.

Счастливец благоговейно положил вспотевший конверт в дорогую папку, и благодетель, застегнув молнию, снова скрылся в кабинете директора магазина.

Вышел буквально через минуту, раскрыл папку и велел покупателю забрать конверт обратно. Увидев вытягивающееся лицо мотолюбителя, он засмеялся:

— Да не беспокойтесь вы! Все идет по плану. Просто директор сейчас занят и просил зайти через десять

минут. А мне как раз отойти надо на пять минут, не хочу, чтобы вы беспокоились, что я с вашими деньгами ухожу.

— Что вы, что вы, я вовсе не беспокоюсь, — залепетал вконец сконфуженный владелец денег, но благодетель был непреклонен, заставил покупателя забрать деньги, велел ему ожидать возле директорской двери и приготовить паспорт для заполнения документов.

Пока его новый знакомый куда-то ходил, покупатель ненароком раскрыл конверт и еще раз прощальным взглядом окинул свои кровные трешки, пятерки и десятки, доставшиеся ему большим трудом и еще большей экономией.

Вскоре появился благодетель, снова раскрыл папку, будущий мотоциклист снова положил в нее свой конверт, добавив теперь еще и паспорт, и благодетель снова вошел в кабинет директора. На сей раз он вышел обратно уже почти мгновенно и — о, ужас! — снова раскрыл папку, но уже со смехом:

— Забирайте свои деньги! Да не беспокойтесь вы так! Все уже оформляется, вас вызовут в течение двадцати минут. А мне срочно нужно в министерство, и боюсь, не успею сегодня увидеть ваше счастливое лицо.

Они сердечно попрощались, и благодетель от всей души поздравил показавшегося ему симпатичным покупателя с удачной покупкой, а симпатичный покупатель от всей души приглашал его в гости, обещая роскошную рыбалку и невиданную грибную охоту.

Минут через двадцать томительного ожидания в коридоре счастливый мотоциклист решил снова заглянуть в заветный конверт, но обнаружил там лишь пачку аккуратно нарезанной газетной бумаги и внутри нее еще почему-то смятый до плоского бумажный стаканчик от мороженого.

Вот и вся история. Кто-то может, подумает, что директор магазина был в сговоре с мошенником, а ничуть не бывало. Директор, хоть и находился все время в кабинете, ни сном ни духом к мошенничеству не был причастен. Во всяком случае, конкретно к этому мошенничеству.

А дело было так. В первый раз бескомпромиссный радетель коммунизма вломился к директору с претензией, что купил у них неделю назад резиновую надувную лодку, а она некондиционная. Поспорив пять минут, он понял свою неправоту и ушел.

Во второй раз он зашел спросить, будут ли в следующем квартале поступление изделий Пензенского велосипедного завода.

Третий раз последним должен был быть, но в этот заход посетитель раскрыл свою папку, как будто в поисках какой-то бумаги для директора, а на самом деле — чтобы сравнить конверт будущего пострадавшего со своим, приготовленным заранее. Мошенник не ожидал, что у пострадавшего, простого и хорошего советского человека, в конверте будут преимущественно трех- и пятирублевки. И он окажется толще, чем рассчитывал мошенник, поленившийся нарезать лишней газетной бумаги. Пришлось бедняге еще четвертый заход сделать, предварительно выудив из мусорки возле магазина бумажный стаканчик от мороженого и присовокупив его к своей основной сумме.

17.

Анатолий Константинович все-таки гениальный был придумщик, и я до сих пор считаю, что дележка поровну между нами была несправедливой его затеей. С рекламными письмами, это так, конечно, было, проба пера. Но через какое-то время у него уже серьезная затея появилась — купить брокерское место на недавно появившейся Российской товарно-сырьевой бирже, и непременно опять пополам.

Я даже еще знать не знал, что появился такой гениальный бизнесмен, который придумал такую гениальную структуру, а Толя уже загорелся стать биржевым брокером.

Изобретателя новой биржи звали Константин Натанович Боровой. Да и сейчас так зовут. Но тогда мы еще не знали, как зовут нашего будущего благодетеля, Толя мне только рассказал, что брокерское место на бирже сегодня стоит 282 000 рублей и с каждым днем дорожает. И если бы я вчера не водку пил, а кумыс, мы купили бы место гораздо дешевле. А завтра будет в два раза дороже.

Я ему возражал лениво:

— С чего это ты взял, что завтра дороже будет? Может быть, наоборот, в два раза дешевле... Подумать надо!

— Потом будешь думать! Завтра я сам тебе водочки куплю! А сегодня нам срочно нужно по четырнадцать тыщ найти, чтобы десять процентов стоимости внести! Вставай уже!

— А остальные 90 процентов где возьмем?

— А на остальные 90 нам сама биржа рассрочку дает. На бирже мы быстро заработаем и рассчитаемся.

В это время, напомню, хлеб все еще 20 копеек стоил. Это если в Чирчике, но там большая буханка. А в Москве, скажем, батон нарезной все еще 13 копеек стоил, но масса его много меньше была чирчикской буханки.

То есть 28 200 рублей немалая сумма, хоть это всего и 10 процентов от стоимости. Пришлось вставать. Пришлось думать. Друзей, конечно, напрячь опять пришлось.

Деньги удалось собрать только назавтра, но мы свое брокерское место уже зарезервировали.

На Российской товарно-сырьевой бирже продавалось все — от носков до автомобилей «Жигули». Вот хотел сейчас написать без слова «автомобилей», но подумал, что читатель может решить, что я про пиво, и это снизит значимость упомянутой биржи.

И понеслась наша брокерская жизнь! Сами мы, конечно, в торгах не участвовали — брокеров наняли. Толя совсем нет, а я иногда и сам забредал и руководил нашим брокерским отделом. Тогда мы покупали партию веников из сорго или весь тираж двухтомника Зигмунда Фрейда. А это, оказывается, были не самые лучшие вложения.

Вскоре и Толя заметил, что водку пить у меня лучше получается, чем биржевать, и начал задумываться: не пора ли нам продать наше брокерское место. Тем более что цена на него выросла, и можно уже было получить три с половиной миллиона против 282 000 потраченных.

Пока мы с ним думали и решали, цена на наше брокерское место подскочила до шести с половиной миллионов рублей. И тут мы уже перестали думать и быстренько продали наше брокерское место.

С чемоданами вырученных денег мы кинулись по магазинам — квартиры и другую недвижимость законно тогда купить еще было нельзя.

Но мы опоздали — магазины уже были пустые совсем, как голова после вчерашнего застолья. В промтоварные и соваться было нечего, а полки продуктовых магазинов буквально пару дней назад еще были уставлены километрами консервов с морской капустой по 40 копеек и сушеными бананами по 90 копеек. Я морскую капусту очень люблю, и, заходя в магазин, подсчитывал судорожно, сколько банок на свою половину в 3 250 000 рублей смогу купить.

Но нисколько не получилось — полки магазина сверкали белизной и чистотой, как операционная кремлевской клиники. Не понимаю, почему вообще магазины были открыты — продавцам абсолютно нечего было делать.

И вот здесь Толе его резисторы вспомнились. Мы зашли в пустой радиомагазин. Он не совсем пустой был все же, то тут, то там на полках валялся какой-то неликвид сорокалетней давности.

И Толя сказал продавцу, чтобы он полки полностью освободил — мы покупаем все. Склад тоже надо вычистить, мы и со склада покупаем тоже все. Магазинщики не спорили, все собрали, до последней крошки. Барахла набралось много, мы еле в «Ниву» мою все запихнули.

— Сколько с меня? — завопил счастливый Толик.

— Семьсот двадцать восемь рублей и семьдесят девять копеек!

Мы приуныли... Что же делать с остальными шестью миллионами четырьмястами девяноста девятью тысячами двумястами семьюдесятью одним рублем и двадцать одной копейкой?

— Что, совсем больше ничего нет? — спросил расстроенный Толя.

— Совсем ничего, — горестно развел руками директор магазина. — Можете сами обыскать.

Но нас выручил сам Константин Натанович, который так сильно нас озолотил. Пока мы по магазинам бегали, он, оказывается, акционерное общество открыл под названием РИНАКО. Телевизор по всем каналам захлебывался рекламным слоганом, который я, может быть, помню не точно:

Вот разбогатею и куплю собаку,
Назову не Шариком, назову Ринако.

Чтобы разбогатеть до покупки собаки, мы с Толяном побежали и купили акций РИНАКО на сто тысяч рублей — по пятьдесят каждому. Там же, в новом офисе, торговали акциями еще одного нового акционерного общества гениального Борового — «Ваше коммерческое телевидение». Взяли до кучи и этих по двадцать пять тысяч на лицо.

Потом нашли других ловкачей — акционерное общество «Военно-промышленная инвестиционная компания». Здесь мы уже не мелочились — купили по 500 акций каждому стоимостью по тысяче рублей за каждую.

Мудрый Толя говорил, что инвестиционный портфель должен быть диверсифицирован — разные акции будут расти в цене по-разному.

Но здесь он ошибся — кинули нас все эти АО без затей и совершенно одинаково.

В общем, распорядились своими миллионами мы довольно бездарно — накупили на нашей же бирже всякого мусора, а на остатки съездили с Толей в круиз по Средиземноморью.

«ВПИК», конечно, гады, но на «Ринако» и ВКТ я не в такой обиде — я прощаю все свои потери Константину Натановичу за один его поступок.

Это случилось еще до того, как мы с Толей продали свое брокерское место на РТСБ. В самом конце советской власти и нашей с Толей биржевой деятельности в августе 1991 года мы с Боровым несли огромный российский флаг во всю улицу Кирова, который за ночь успели пошить в здании биржи. Путь лежал неблизкий до Белого дома, и на Лубянской площади дорогу нам преградили танки, но в последний момент давить нас они все-таки не решились.

Жалею ли я об этом эпизоде в своей биографии? Нет, никогда!

18.

Фирма наша разрасталась. Мы сняли большой подвал в Свиблово и набрали штат. Я съездил в Промстройбанк и довольно легко получил кредит в десять миллионов рублей, о котором вскоре забыл, но утешает одно — не один я забыл, они тоже забыли.

У нас уже был не один помощник, а человек до сорока работников от компьютерщиков до сторожей. И милиционеры дежурили при входе. И еще собака Толина поселилась у нас в подвале — огромный немецкий дог по имени Бари. Он быстро влился в коллектив и стал его полноценным членом. Ночными сторожами у нас подрабатывали мои друзья из числа творческой интеллигенции, и они время от времени устраивали ночные пирушки. Барика тоже не обходили, и он, бедняга, напивался подчас так, что ноги его разъезжались в разные стороны и он падал.

Даже не знаю, что бы мы без Толи делали. Бандиты тогда в очередь выстраивались, чтобы ввалиться к предпринимателю с предложением, от которого невозможно отказаться. К тем, кто попроще, приходили и говорили, что на нашей территории, мол, работаете, ребята, делиться надо. Тем, что покруче, ворковали, что господа вы уважаемые, делом занимаетесь серьезным, вам защита нужна. Милиционеров, стоящих при входе, они не боялись и даже в упор их не видели. Милиционеры их тоже не замечали.

Но у нас проблем с бандитами не было. Один только раз ввалилась к нам компания из пяти-шести голов коротко стриженной молодежи в кожаных куртках и сказала, что такой уважаемой фирме непременно защита нужна, а они как раз на этой территории за порядком следят.

Все, кроме Толи, оцепенели. А Толя не оценил вежливого тона гостей, смело шагнул к ним и строго спросил, от кого они работают и почему позволили себе прийти без звонка. Разговаривать с кем попало у него времени нет.

Старший из стриженых выдержал паузу, сверля ледяными глазами моего Толю, и ответил очень тихо, но веско:

— Мы от Отари Витальевича работаем. Могу ему позвонить.

Толя обрадовался:

— Звони, конечно, и не забудь сказать, что он мне партию на бильярде на Аэропорте остался должен.

Свирепый глаз заколебался, но звонить никому не стал. Толя потребовал, чтобы незнакомцы представились, он сейчас сам позвонит Отари Витальевичу и расскажет, что его нерадивая шпана без толку шляется на районе, серьезных людей от дел отвлекают.

Незнакомцы вдруг засобирались — вспомнили, что у них дела неотложные:

— Мы в следующий раз зайдем!

— Милости просим! Отари Витальевичу привет! — радушно провожал незваных гостей Толик.

Следующего раза не случилось. Больше к нам никто не приходил — ни от Отари Витальевича, ни от кого бы то ни было еще.

Кстати, Толя не блефовал — он действительно был знаком с Отаром Хванчкарашвили еще по прежним, далеким временам.

Наладив работу, мы с Толяном решили отдохнуть и проветриться в Таиланде. Поселились там в маленьком, но роскошном отеле на берегу океана близ города Паттайя. Такого великолепия я раньше не видел — сады диковинные, бассейны, пруды с золотыми рыбищами по два кило каждая, скульптуры мраморные, мебель садовая из витого чугуна. И все это великолепие прямо на берегу океана и только на четверых. Дело в том, что, кроме нас с Толей, в отеле жили еще только два молодых человека, остальные номера пустовали.

Вообще, русских в те годы не так много ездило в Тай, но двое наших соседей по отелю были-таки ими, точнее, один был русский, другой татарин.

Соседи оказались приятные во всех отношениях люди, дружелюбные и вежливые. Сразу видно, что бандиты на отдыхе. Потом, познакомившись поближе, мы узнали, что не совсем они бандиты, но бойцы профессиональные — борьба, карате, бокс — все в одном флаконе. То ли они телохранителями где-то трудятся, то ли костоправами — не ясно, а спрашивать бестактно как-то. Но зато о своем хобби ребята рассказывали с удовольствием: оказывается, в свободное время они еще на «Мосфильме» каскадерами подрабатывали. Они очень интересно рассказывали о каких-то киношных эпизодах, и мы подружились.

Всюду стали ходить вчетвером.

Однажды вернулись мы в отель из города как обычно, около двух часов ночи, и сели за столик у бассейна горло промочить.

Хорошо, тихо, вокруг ни души, весь обслуживающий персонал спит давно и не в отеле даже, а у себя дома. Только мы да лунная дорожка, убегающая в океан.

Вдруг наша идиллия была нарушена — откуда-то из кустов выполз обкуренный абориген и, не мешкая, направился к нам. Подходит и говорит без обиняков, на своем полуанглийском, полутайском, что Америка — это намбер ван, а Россия — наоборот — недоразумение сплошное. Не знаю про первую, но насчет второй я мог бы согласиться, если бы этот разговор не в Таиланде и не с незнакомым обкуренным тайцем был.

Кстати, вблизи нежданный гость уже не показался таким уж сильно незнакомым — какое-то отношение к отелю он имел. Видел, видел я его пару раз то лампочки вкручивающим, то газон стригущим.

И вот теперь этот поклонник Америки стоит перед нами и всякие песни обидные поет про географию. Я, кстати, допускаю, что если бы мы были американцами, он бы пел свою песню наоборот. Ну не понравились мы ему, что делать!

Мои уставшие от впечатлений длинного дня друзья знали, что делать, но я их остановил, потому что международные отношения — это моя прерогатива.

Я сдержанно поблагодарил туземца за исчерпывающую политинформацию и дружелюбно предложил ему продолжить путь, который он из-за нас вынужден был прервать. В ответ на это разумное предложение мой политинформатор понес что-то насчет тайбоксинга. Дескать, он сейчас выступит, а я буду иметь возможность по достоинству оценить его мастерство. Мои товарищи нетерпеливо заерзали на своих стульях, но я их снова остановил и выдал оппоненту контрпредложение: заменить тайбоксинг армрестлингом. Русофоб неожиданно легко согласился, и мы пошли с ним за другой столик, чтобы было где локти расставить.

Пока мы шли вдоль бассейна, я размышлял о глупости моего соперника: на что он рассчитывает, когда его вес пропорционален моему как 1 : 3. Но противник мой оказался не столько глупым, сколько подлым. Когда я шел по самой кромке бассейна, он, семенивший сзади, вдруг изловчился и толкнул меня. Но, не рассчитав разность наших масс, незадачливый таец скользнул руками по моему мокрому после купания телу и сам полетел в бассейн. Я же в недоумении и возмущении остался стоять на берегу.

Из-за нашего столика раздались хохот и аплодисменты. А подлый тайбоксер тем временем стал проявлять себя как тонущий. Простодушный, я помог ему вылезти из бассейна, после чего, не мешкая ни секунды, он снова попытался столкнуть в воду меня. Но снова я остался стоять на берегу, а мой толкатель снова очутился в воде. Он, наверное, плохо в школе учился по физике, если не понимает, что при таком соотношении масс, как 1 : 3, надо рычаг использовать или строительную технику.

За моим столом смех перерос в гомерический, а обиженный таец больше не стал изображать тонущего, отплыл в сторонку и сам вылез на берег.

И в этот момент я вдруг вижу, как из темноты, из-за каждого дерева, каждого куста вырастают и двигаются в мою сторону фигуры друзей нашего надоедливого туземца. Прямо как тараканы, только покрупнее. Вероятно, его коллеги по тайбоксингу.

Я с грустью понял, что переговоры на высшем уровне провалены, поняли это и мои товарищи, но с радостью. Они с облегчением вскочили из-за стола и моментально оказались возле меня. И вовремя, ибо один из самых шустрых гостей примеривался уже своей изящной тайской ножкой в мою грубую татарскую головушку.

И тут началось! Прямо как на «Мосфильме». Наши с Толей новые знакомые показали себя во всей красе! Они встали между нами и нападавшими и косили агрессоров мельтешащими руками и ногами, как из автомата.

Мы с Толей никакого участия в драке принять не могли — наши защитники танцевали вокруг нас, не давая ни нас достать, ни нам как-то поучаствовать в дискуссии. Но нападавших все прибывало и прибывало, и они уже начинали нас теснить.

Из-за спин наших друзей, умудряющихся в своем бесконечном танце загораживать нам все поле боя, мы с Толей ничего не могли разглядеть. Тогда мы стали хватать тяжелые стулья из кованого чугуна и бессистемно кидать их через головы наших защитников в эпицентр диспута. Что-то вроде артиллерии.

Я кидал, как учили меня на разгрузке вагонов, чтобы не устать, — размеренно и неторопливо. Но стулья вскоре закончились, и пришлось нам браться за кресла и столы.

Противник все прибывал, и мы стали тесниться к отелю, в котором так ни единой души и не было, чтобы хотя бы позвонить в полицию. Мы уже были совсем рядом со зданием и, кинувши последний стол через головы моих защитников, я бросился внутрь звонить в полицию.

Первое, что я увидел в холле, —это лежащий навзничь без признаков жизни любитель Америки, виновник всего торжества. Кто его здесь мог пришибить, ведь никто из нас с момента начала конфликта в отель не заходил. И понял я, что эта скотина, заварившая всю кашу, попросту сбежал и прятался в холле, пока не увидел меня. Тогда он лег на пол и притворился бесчувственным или мертвым. Хотелось мне пнуть мерзавца, но времени на это не было, бой уже шел в холле.

Полиция подоспела вовремя, и вскоре мы с Толей оказались в полицейском участке. Оказалось, что от наших действий тяжело пострадало тринадцать мирных тайских тружеников, девять из которых госпитализированы. Кроме того, мы разнесли по кочкам весь прибрежный отель, гостеприимно нас приютивший, а именно фонтаны, балконы, бассейны с золотыми рыбами, статуи древнегреческих богов и еще четыре стола, восемь кресел и четырнадцать стульев из кованого витого металла.

Отвечать пришлось нам с Анатолием, ибо наших подельников тоже увезли в госпиталь, где наложили девять швов на голове Рушану, восемь — Сергею. Но

вскоре их тоже привезли в полицию и закрыли нас четверых в одной камере.

Не помню, сколько мы просидели, прежде чем снова начались переговоры, теперь уже с полицейскими. Мне как опытному дипломату наша компания делегировала все полномочия. Переговоры были трудными, и одним днем дело не закончились. В итоге сошлись на четырех тысячах долларов. Но за эту сумму полиция должна была нас еще из разрушенного отеля вывезти и перевезти в другой, в самой Паттайе, уже без океана, но с бассейном, где мы могли бы спокойно дожить оставшиеся нам от таиландского отпуска несколько дней.

Мои товарищи больше не вернулись в свой отель, даже за вещами. Меня одного свозили полицейские забрать все вещи и сразу отвезли в Паттайю, в новый отель. А чуть позже привезли и моих товарищей.

Хочу успокоить сегодняшних туристов — описываемое мной действие происходило в начале девяностых, когда руссо туристо для таиландцев что-то вроде белых медведей были. Вот слышали же, что есть такая страна, и глобуса она чуть ли не половину захватила, а кто, что, зачем — непонятно.

19.

Мы потом еще в круиз по Средиземноморью с Толей съездили. И тут он единственный раз на моей памяти напился. Сейчас я понимаю, мне кажется, какие чувства тогда им овладели. Вот он, сиделец и изгой, вдруг дожил до того, что в круиз едет как белый человек с заходом в порты лучших европейских стран.

Он умудрился напиться еще до входа на трап нашего корабля, мирно ждущего нас в Одесском порту.

Когда мы добрались до своих кают, Толя уже совсем поехал крышею и предлагал молоденькой стюардессе, или как там у них на кораблях это называется, двести долларов, чтобы она вступила со мной в половой контакт, а он за эту же сумму по-стариковски понаблюдает со стороны. Девушка была возмущена, я тоже — мне он за стариковское наблюдение ни цента не предложил, скотина такая!

Однако закругляться надо. Никому неинтересны наши с Толенькой круизы, а тем более описание подробностей.

Я только чего хотел сказать — этот круиз стал последним, когда мы были так счастливы вдвоем. Мы были счастливы, как друзья.

Еще до круиза дела наши были совсем уже нехороши. Компания наша компьютерная хирела на глазах. Конкуренция стала страшной. На рынок ворвались бывшие коммунистические и комсомольские функционеры с деньгами партии и связями в правительстве и попы во главе с патриархом всея Руси, разжиревшие на беспошлинной торговле питьевым спиртом и сигаретами.

Очень скоро стало ясно, что счастье наше кончилось. И тут Толя делает ход конем — объявляет мне, что уходит из фирмы. Уходит как настоящий мужчина, ничего, кроме трусов, с собою не берет. И даже больше того — Барика нам оставляет. Хотя кому нужен был спившийся уже к тому времени Барик?

Толя нашел каких-то старых знакомых, и они устроили его в группировку, базирующуюся на фармзаводе «Херейн», хозяином которого был знаменитый тогда Дрынцалов. Группировка эта когда-то и помогла новому хозяину отжать успешный советский завод и была на заводе главной в руководстве. Так им казалось до какого-то времени.

Так и братьям Хванчкарашвили казалось тогда, что они вкупе со своими шестерками певцами Мудзоном и Ротинбаумом всегда будут руководить Москвой. Но времена менялись, и братьев пришлось застрелить, а певуны удовольствовались местами в Госдуме.

И Дрынцалов тоже вышел в большие политики и забыть захотел, конечно, тут же тех, кто его из грязи когда-то вытащил, с трудом разбирающего буквы. Пришлось всю группировку поубивать. И надо же было Толе незадолго до этого туда влиться!

В последний раз мы с Толей виделись на проходной «Херейна». Он был очень счастлив и воодушевлен. Сказал мне, чтобы я готовился — скоро он и меня на «Херейн» заберет. Он уже со всеми переговорил, и все согласились, что такие люди, как я, им очень нужны в руководстве завода.

Не забрал, скотина! Хотя нет, конечно, он не виноват. Толя никогда не разбрасывался невыполнимыми обещаниями. Он не смог не по своей вине — он исчез. Вся группировка в одночасье исчезла, но до нее мне дела нет. Исчез Толенька мой, и тела его не нашли до сих пор.

20.

Он позвонил... Позвонил однажды и в жизни моей тем звонком огромный след оставил. Я все время жду, но он не звонит больше. Много лет не звонит, и ясно, что не позвонит больше никогда. Но я все равно жду.

Теперь он уже реже меня мучает, а в первые годы я очень тяжело ощущал пропажу Анатолия Константиновича. Он так часто снился мне, так явственно, так отчетливо, что, проснувшись, я еще несколько минут разговаривал с ним и долго не мог поверить, что разговариваю с мертвым, — это лишь сон был. Наверное, оттого, что не похороненный он и свидетельства о смерти нет.

Поэтому, надо думать, и меня долго еще не трогали насчет поделиться, и только когда всем стало ясно, что больше Толя не появится, на меня, как мухи на дерьмо, кинулись «разруливатели вопросов», воркуя задушевно, что надо поделиться.

Делиться, впрочем, уже было нечем, но Толя продолжал помогать мне вести разговор с бандитами. Он приходил ко мне во сне, как обычно, многословный и смешливый, и учил, что и кому я должен сказать, чтобы отстали, а на какую стрелку вовсе не должен ходить — там в меня пулю всадят. Меня угораздило в Польше фуру спирта Royal купить, и здесь я перешел дорогу серьезным людям из патриархата всея Руси, пекущимся о несерьезных.

Я удивлялся мудрости советов Толи, он казался мне аксакалом, а ведь было ему всего сорок лет.

С его ли помощью или нет, но от меня отстали.

Незадолго до полного краха моей незадачливой бизнес-карьеры мне позвонила Надира, жена Толи. Позвонила и приехала ко мне в офис, откуда уже выносили вещи. Приехала, поговорили мы о том о сем, и она попросила денег — совсем ей тяжело одной сына Костика растить.

Просьба была вполне уместной и законной. Но денег у меня уже не только в сейфе не было, но и в кармане случилось только то, что я сегодня, в шесть утра выехавши потаксовать на своей «Волге», сумел заработать. Я, конечно, отдал ей все и сказал, что завтра еще где-нибудь раздобуду и непременно ей домой привезу. Но эта сумма была так мала, что она, посмотрев на меня пристально и с сожалением, велела больше не приезжать никогда. Потом я ее следы потерял.

Распродав остатки компьютерного барахла и бытовой техники из нескольких когда-то магазинов, я закончил очередной этап своей жизни, протекающей почему-то всегда по синусоиде, и в очередной раз впал в бедность.

Меня это, правда, уже мало занимало — я нашел себе новое увлечение и почти переехал жить в писательский городок Переделкино.

У него никогда не было друзей. Облик его жуткий и путь, который он выбрал, не предполагали настоящей дружбы. И вот всего за три года до смерти в его жизни случилась настоящая и бескорыстная мужская дружба.

Настоящая дружба всегда наносит непоправимый урон каждому. И наша дружба не исключение. Он стал другим человеком, что-то взяв от меня, и я за эти три года нашей дружбы стал другим человеком.

Он был вором когда-то, и начиналось наше знакомство тем, что он хотел меня обворовать. А кончилось дело тем, что это я у него наворовал очень много.

Помню, как в раннем детстве меня бабуля любимая все уговаривала красть. Она говорила, чтобы я воровал у всех, кто имеет какие-то знания. И дружить я должен с теми, кто имеет много знаний, тогда будет много чего украсть.

Она переборщила, бабуленька моя. Я послушался ее и за жизнь свою успел украсть так много, что в голове моей огромной не помещается давно. От переполнения ее так и подмывает взорваться иногда, бестолковушку мою, наполненную ворованными знаниями. Надо бы отдать кому-то, так не берет же никто. Другие ценности теперь в ходу. Да и тогда другие были, это просто бабушка у меня сумасшедшая.

Он давно мне не снился, не говоря уже о том, чтобы позвонить. А тут вдруг опять, как раз когда я заканчиваю этот опус. И опять живой, опять смеющийся всем своим испещренным глубокими оспинами лицом. Говорит, я же специально так долго скрывался, чтобы понять, как ты ко мне относишься.

А как я отношусь к тебе, Толя? Не знаю, сам поймешь.

Я позвонил своему сыночку старшенькому. Он, конечно, тогда маленький был, но сразу вспомнил:

— Я прекрасно помню дядю Толю-волшебника. Он всегда был веселый, громкий, шутил, показывал фокусы, смеялся. Один только раз я спросил его о чем-то, и он неожиданно ответил на мой вопрос серьезно. Не помню, о чем я спрашивал, не помню, что он ответил. Но то, как резко он переменился, каким стал грустным и тихим голос его, как он не смотрел на меня, отвечая, — этого не забуду никогда.

И я тоже не забуду.

И снись мне дальше, Толя. Я больше ничего тебе не должен.